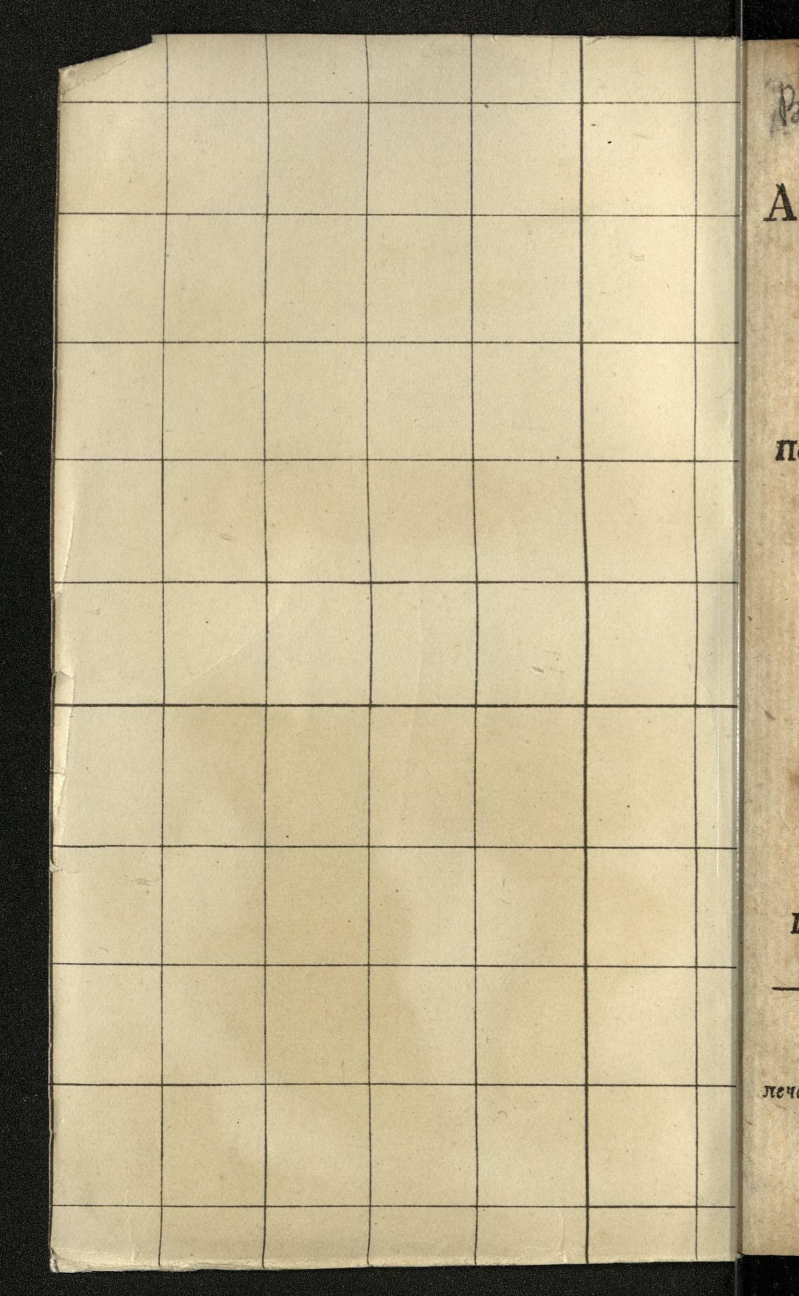

ИСКУШЕНІЕ АВРААМОВО

ПОЕМА,

въ трехъ Пѣсняхъ.

Переведена съ Нѣмецкаго на Французской, а съ онаго на Россїиской языкъ.

Иждивенїемъ книгопродавца Ѳ. Мейера.

ВЪ Санктпетербургѣ,
печатано въ вольной Типографїи Вейтбрехта и Шнора,
1780 года.

Милостивому Государю

Любезному Брату

ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧУ МЕДВѢДЕВУ.

Всеусерднѣйшее приношенiе.

Милостивый Государь!

Любезнѣйшій Братъ!

Удалися отъ мен лесть раболѣпствующая величеству и богатству; душа моя исполненная горячности, дружбы и братскія любви желаетъ нынѣ изліять сіи сладчайшіи чувствованіи предъ отцемъ, предъ братомъ, предъ благодѣтелемъ своимъ. Священный домъ благодарности сдѣлать сіе повелѣваетъ!

Тебѣ, о братъ любезный, посвящаю первый плодъ моего ученія: ибо кому оное приличнѣе принесть, какъ не тому, кто въ юности моей, въ сиротствѣ моемъ заступя мѣсто

родителя, неусыпными попеченія-
ми насадилъ оное въ моемъ сердцѣ,
и о произращеніи не утомимое при-
лагаетъ стараніе. И такъ пріими
сію малую жертву благодарности
моея. Да будетъ оная вѣчнымъ за-
логомъ моего къ тебѣ усердія, да
познаетъ чрезъ оную свѣтъ что ис-
тинная братская любовь еще на зе-
млѣ существуетъ. Единое мило-
стивое, единое благосклонное на оную
воззрѣніе сдѣлаетъ меня щастли-
вымъ и усугубитъ почтеніе съ ко-
торымъ по гробъ мой пребуду.

Вашъ милостиваго Государя
усерднѣйшій Братъ
и покорной слуга
Гаврило Медвѣдевъ.

ИСКУШЕНІЕ АВРААМОВО.

Пѣснь первая.

Дщи небесъ, древле на холмѣ Едема превознесенная, ты, которая въ юныя лѣта міра, во время истиннаго златаго вѣка обитала во пріятныхъ тѣняхъ вертоградовъ невинности, небесная Муза, матерь добродѣтели, настави меня, воспѣти искушеніе Авраамле и торжество вѣры и послушанія его; вразуми меня прославити святаго мужа, которой услыша гласъ Господень глаголющій къ нему, забываетъ что онъ родитель, и ведетъ возлюбленнаго сердцу его сына, сына единороднаго, на гору Морію, заклати на жертву Господеви: вразуми меня божественно воспѣти священнѣйшую добродѣтель.

Уже на вершинахъ восточныхъ горъ является вожделѣнный день, въ который сынъ обѣтованія, возлюбленный Исаакъ долженствовалъ возвратитися изъ земли Харанскія, въ ко-

торой онЪ пребывалЪ годичное время, вЪ дому Нахора у родственницы своея Мельхи; сей благословенный день большимЪ блистанїемЪ проливалЪ свѣтЪ свой по лугамЪ и долинамЪ, гдѣ сему спѣшащему юношѣ проходить надлежало. Уже и АвраамЪ изЪ сѣни своея исходитЪ, и радостныя свои взоры на восточные холмы устремляетЪ и чаетЪ зрѣти сквозь багряный блескЪ, подобїе велблюдовЪ со протяженными ихЪ выями, или паче и самыя стопы путешествующихЪ: сїе мечтательное видѣнїе его очи веселящее любезно родительскому сердцу. Воззываемый благорастворенїемЪ утренняго воздуха, и священнымЪ восторгомЪ невидимо присутствїемЪ божїимЪ вЪ душѣ его воспаленнымЪ, восходитЪ на холмЪ Кедрами преосѣненный, на вершинѣ котораго сооруженЪ былЪ жертвенникЪ благоугодный всевышнему. Тамо священными своими руками возжигалЪ Господу мирѳу и касїю, искреннїя его молитвы восходили сЪ благовоннымЪ жертвеннымЪ куренїемЪ, и вознося превыше всѣхЪ небесЪ, достигали

гали зиждителева престола; и Господь призиралъ на оныхъ милостивѣе нежели на благоуханіе всесожженіи. О благость превѣчная, (тако вѣщали сердце и очи его, хотя уста его безмолвны пребывали) о ты избравшій Авраама проповѣдывать безпредѣльное всемогущество твое во племени его, ты виновникъ благословеній изліянныхъ нынѣ на безцѣннѣйшій даръ изъ всѣхъ даровъ твоихъ, на Исаака наслѣдника твоего обѣтованія, благослови, да рабъ твои падши на лице земли восхвалитъ тя съ сокрушеннымъ сердцемъ! о ты удостоивай явити на земли божественный зракъ твой, научи насъ творити волю твою, волю коей покаряются небеса, гдѣ святое слово твое владычествуетъ надъ чистѣйшими существами. Устрой, да Исаакъ живетъ въ законѣ твоемъ, благоволи отческой горячности моей, зрѣти его увѣнчанна всѣми добродѣтелями и достойна того, что бъ спасеніе міра произошло отъ корене его! да приведетъ его сей вожделѣнный, съ небесъ снизшедшіи и благословенный взоромъ твоимъ день, во

объятїя моя. Тако молился Аврамъ приникши лицемъ на землю.

Лежащу ему еще на земли, внезапно ясное сїянїе холмъ окружаетъ и отъ часу болѣе увеличиваяся на подобїе лучезарнаго облака распространяется около лазореваго неба. Аврамъ возведши очи свои созерцаетъ присутствїе Божїе; Ангелъ мановенїемъ всевышняго, снисходитъ невидимо и укрѣпляетъ зрѣнїе сего старца. Аврамъ простерши единожды взоръ свой (ибо очи смертнаго долѣе взирати не могутъ) на величїе Божїе, зритъ сквозь неизчетныя полки покланяющихся ему Ангеловъ Саваоѳа, сѣдяща на свѣтозарномъ престолѣ окружаемомъ Херувимами: о ты Божественное зрѣлище, уста смертныхъ повѣдая тебя, лишъ только помрачаютъ! При семъ небесномъ явленїи всякая плоть человѣческая во изнеможенїе приходитъ. Объемлемый трепетомъ (которой всякой разъ раждалъ въ душѣ его усладительныя чувствованїя) падши ницъ на землю поклонился ему. Никогда Божество не являлось ему въ таковомъ

вомъ велелѣпіи. Тысяща новыхъ предчувствованіи возраждалися въ его сердцѣ. Но подкрѣпленный свѣтомъ Божіимъ, востаетъ и слышитъ въ безмолвномъ пространствѣ потрясшихся небесъ, раздавшейся громкіи гласъ Саваоѳа, вѣщающіи къ нему сице:

Авраамe! Авраамe! Се азъ, отвѣтствуетъ Авраамъ: поими рекъ Саваоѳъ, поими единороднаго сына своего, Исаака возлюбленнаго своего, гряди въ Морію и на горѣ юже знаменіемъ явлю тебѣ, принеси мнѣ его во всесожженіе. Тако вѣщалъ страшный гласъ Саваоѳа.

Авраамъ паки повергается во унынiе, но озаренiе Божества подкрѣпляетъ его, и не попускаетъ его прийти отъ толь страшнаго велѣнія въ конечное изнеможенiе: однако всѣ кости его вострепетали. Сердце его хотя и было болѣзненною скорбію снѣдаемо, но никакъ и помыслить не дерзало воспротивитися предвѣчному уставу. Лицемъ поверженный на землю, и со исполненными слезъ очами проливалъ моленія ко Господу:

 душа

душа его была преисполнена благоговѣнія и повиновенія. Богъ предвидящій будущее и проницающій сокровеннѣйшія помышленія, зритъ въ сердцѣ Авраамовомъ глубочайшую преданность: зритъ дѣйствіе и торжество святыя вѣры его, благословляетъ его и паки на небеса восходитъ.

Между тѣмъ старецъ воставъ, снизходитъ со святаго холма сего. Къ западу обширныхъ его селеній находится изъ сѣнолиственныхъ древесъ дубрава на подобіе ущербленной луны окружающая сіи спокойныя обиталища. Никогда полуденной зной не проницалъ тѣнистыхъ кущъ оныя, и въ то самое время когда единое солнце на распаленной тверди было зримо, въ тѣняхъ сея рощи пріятная прохлада водворялась. Ни въ какомъ мѣстѣ не могли столь способно раждаться высокія мысли въ душѣ человѣка бесѣдующаго съ самимъ собою, какъ въ семъ спокойномъ убѣжищѣ. Удалившись въ сіе мѣсто тревожимый горестными размышленіями Аврамъ, прохаживался съ прискорбнымъ

видомъ

видомъ подъ сими густыми древесами. Тако скорбѣлъ Адамъ, когда зрѣлъ себя со злощастною красотою изгоняема изъ рая пламеннымъ мечемъ Херувима, тако сѣтовалъ когда послѣдній уже разъ печальные свои взоры обращалъ на блаженныя поля, на долины испещренныя цвѣтами, на вертограды обремененные позлащенными плодами, потомъ слезящіе свои очи отвратя отъ толѣ устремляетъ на луга опредѣленные ему въ бѣдное сельское жилище, плачевный образъ премѣны его жизни: подобно и Аврамъ удрученный печальными размышленіями, простиралъ стопы свои въ тѣняхъ сего лѣса, невѣдая самъ куда. Волнующаяся душа его не долго изнемогала подъ бременемъ сихъ мрачныхъ мыслей; онъ приходя мало по малу въ успокоеніе, тако вѣщалъ:

Когда высочайшее Существо извѣщаетъ велѣнія свои, когда тотъ коему вселенная служитъ подножіемъ, удостоеваетъ глаголомъ своимъ Ангеловъ и человѣковъ, тогда Ангелы и человѣки въ глубокомъ молчаніи пребываютъ и со страхомъ внемлютъ

вѣщаніямъ его. Ему единому извѣстно что онъ требуетъ и что творить повѣлеваетъ; и ни единъ изъ Херувимовъ сего невѣсть. Если бы тѣмъ же самымъ дуновеніемъ, коимъ сотворилъ всѣ существа, паки превратилъ бы въ безобразную смѣсь небеса и всѣхъ живущихъ на нихъ, то кто могъ бы внити въ судъ съ нимъ? Если бы угодно было создателю, преобратить въ небытіе всѣ силы небесныя и невнимати болѣе похвальнымъ пѣснямъ ихъ, то и въ то самое время, Ангелы почти уже уничтожаемые, ощущая послѣднее чувствіе смерти, были бы принуждены въ пѣсняхъ своихъ превозноситъ его хвалами; А мнѣ ли, коему смерть несравненно свойственнѣе нежели Ангеломъ, мнѣ ли безъропотанія не исполнить велѣнія его? Но о! Господи, прости, коль отеческія воздыханія примѣшаются ко благоговѣнію моему! не вниди во гнѣвъ, о создателю и отче мой! коль непреодолимое естество востаетъ противу воли твоея! благослови, Ахъ благослови оплакати смерть любезнѣйшаго

моего

моегo сына! Не менѣе пролію я слезъ надъ его отъ смертнаго хлада оледенѣлымъ тѣломъ, нежели сколько въ восторгѣ радости моея, проліялъ оныхъ на любезной зракъ его въ часъ, когда онъ во свѣтъ родился. Ты вѣси, о сердцевѣдче, ты вѣси, съ какимъ искреннымъ чувствованіемъ воздавалъ я тебѣ благодареніе за сей даръ благости твоея; ты былъ свидѣтелемъ божественныя радости, произведенной во мнѣ раждающейся лѣпотою души его, которую съ того времени предпріялъ я въ добродѣтель наставить. Колико былъ онъ любезенъ въ перьвыя лѣта юности, колико онъ возрастая усугублялъ во мнѣ ту надежду, которую ты о немъ произвелъ въ моемъ сердцѣ, коль свята была надежда днесь отъ очей моихъ изчезающая. Но я молчу, повинуюсь и совсякимъ смиреніемъ почитаю святые твои уставы. Даждь мнѣ крѣпость, о отче мой, утверди мое предпріятіе, да не востанетъ сердце мое противу божественныхъ судебъ твоихъ. Господи мой! да будетъ воля твоя.

Тако рекъ онъ, воздерживаясь отъ слезъ уже готовыхъ проліятися изъ очей его. Между тѣмъ съ высоты сребреновидныхъ облакъ Ангелъ хранитель Исааковъ, разсматривалъ священное благоговѣніе изображенное на спокойномъ зракѣ Авраамовомъ, коего ни единая черта не была притворна; однако тайная его скорбь, похитила тѣ пріятныя осклабленія, кои на устахъ его зримы были. Пришедъ во умиленіе даже до изліянія слезъ отлетаетъ къ свѣтозарному другу своему, и тако ему вѣщаетъ:

Коликая для насъ радость, небесный друже, любить въ человѣкахъ сію добродѣтель! . . . . Но увы! како тревожится вся моя утроба, когда я взираю на безмолвное въ пробожденномъ Авраамовомъ сердцѣ сокрытое, и на блѣдномъ лицѣ его повремени зримое страданіе! На всегда Авраамъ побѣдоносцемъ являлся! серде его крѣпостію облечено и онъ подобно Серафиму Всевышнимъ вооруженному, съ неустрашимостію ожидаетъ веленій отъ провидѣнія: онъ яко твердый камень, претерпѣвающій поp-

раженіе

раженіе пламенныхъ стрѣлъ. Однако сердце мое отъ жалости содрогаетъ; и немогу воздержаться отъ слезъ, когда представляю себѣ горячность и отчаяніе Сарры, и мученіе коими матерьнее ея сердце терзаться будетъ, слыша сїю злощастную вѣсть. Ахъ еслибъ оная вѣчно отъ нее осталасъ утаенна! Какъ снесешъ ты сей разительный приговоръ, о нѣжнѣйшая изъ матерей? Не растерзается ли печалїю твое сердце? смущенныя твои очи, къ небесамъ возведенныя не будутъ ли просити слезъ коихъ они лишатся? .... Но сокройтеся печальныя мысли, скорбь, которую вы раждаете, всѣ чувства мои обьемлетъ. Ахъ какую скорбь принесутъ онѣ Саррѣ, Саррѣ, коея горячность къ сыну, превосходитъ любовъ нѣжнѣйшихъ матерей! .... Нѣтъ, первая жена, въ часъ, разрѣшенія своего отъ бремени, не прижимала ко своему сердцу съ толикою горячностїю первенца непорочныя своея любви, какъ Сарра въ восторгѣ радости святаго сего отрока; она зрѣла на лицѣ его образъ юности своея,

и благородную важность Авраама. Се нынѣ онъ единый есть предмѣтъ всѣхъ ея моленій, съ утра мысли ея имъ упражнены и вечеръ постигаетъ ее погруженную въ сладкія объ немъ размышленія, коими она безпрестанно себя питаетъ. Часто среди пріятныхъ сновидѣній, его обнимаетъ или въ мысляхъ представляетъ себѣ будущее его блаженство. Она уже видитъ его сидяща съ возлюбленною супругою, и окруженна чадами ему подобными. Часто зритъ она (хотя и воснѣ, однако и тогда сердце ея отъ радости трепещетъ) Ходатая отъ Исаака произшедшаго, и во плоть ея облекшагося; она зритъ его, ему покланяется, и преисполненна радости именуетъ его спасителемъ и сыномъ своимъ орошая слезами стопы его. Увы! о Серафимъ, сей самый Исаакъ умретъ, вскорѣ Сарра узритъ или его послѣднее издыханіе испускающаго, или отца его обагреннаго кровію сына своего уже вспять возвращающагося. Зиждитель не прогнѣвается на насъ, за толикую чувствительность къ бѣдствіямъ, и горестной

стной скорби, коею премудрость судебЪ искушаетЪ великодушнѣйшаго изЪ смертныхЪ.

Умолкшу ему, другЪ его отвѣтствовалЪ тако: Сердце мое, о СерафимЪ, тронуто чувствительнымЪ соболѣзнованїемЪ, хотя ИсаакЪ и Сарра совсѣмЪ мнѣ не извѣстны; колико же твое сострадати долженствуетЪ, когда ты исполняя уставы Всевышняго покровомЪ крылЪ своихЪ осѣняя безпорочную ихЪ жизнь, не отлученЪ отЪ нихЪ пребываешЪ и наблюдаешЪ всѣ дѣянїя и всѣ чувствованїя ихЪ, достойныя обитателей небесныхЪ. Но, о горнїй мой друже! Божественная мысль, лучь надежды предвозвѣщаетЪ мнѣ что плачевное сїе дѣйствїе окончается радостнымЪ зрѣлищемЪ. Совѣты превѣчнаго по истиннѣ неисповѣдимы предЪ очами нашими; онЪ единый вѣсть о томЪ, что Божеству прилично, Серафимы того не знаютЪ; и едва онЪ позволяетЪ вѣрнѣйшему изЪ ХерувимовЪ, возвести быстрый взорЪ на трисвятое мѣсто, дабы узрѣть, на дскѣ судебЪ таинства временЪ грядущихЪ . . .

Изъ сей глубины превѣчныхъ совѣтовъ упованіе просіяваетъ; ибо ты вѣси, что благость Владыки нашего, есть безпредѣльна. Отъ самаго сотворенія, содѣлать блаженными духи, было его любезнымъ предметомъ; любовь имя ему. Тако возвѣстилъ онъ намъ о себѣ, въ то время, какъ мы выходя изъ творческихъ его дланей, окружать его начинали; Таковымъ хощетъ онъ явити себя людямъ земнымъ и всемъ небесамъ. Во истинну, небесный другъ! Авраамъ, и чадолюбивая Сарра благости сей вскорѣ причастны будутъ, вскорѣ сокровенныя намѣренія провидѣнія его откроются. Посѣщенія, кои Предвѣчный насылаетъ, во утѣхи наконецъ премѣняются..... Но я зрю въ солнцѣ призывающаго меня *Уріила*, я воспаряю къ нему. Ты же, коего свѣтъ земный еще тѣнію своею, покрывати будетъ, буди свидѣтель сего великаго произшествія, да возвѣстиши мнѣ оное нанебеси, въ нѣкое благопріятное время.

Тако онъ вѣщаетъ обьемля Серафима и быстрый свой полетъ къ

лучезарному свѣту устремляетъ; между тѣмъ Серафимъ облеченный свѣтоносымъ облакомъ паритъ во срѣтенїе Исаака, подобно тихому зефиру и летаетъ вокругъ юноши спѣшащаго возвратитися ко отцу своему.

Погруженный во глубокїя размышленїя Авраамъ, еще прохаживался въ тѣняхъ рощи, духомъ паче къ Богу, нежели ко смертнымъ восхищаясь. Но вѣрный его рабъ, добродѣтельный *Елїазаръ*, коему поручено было смотренїе за всѣмъ его домомъ, услышалъ отъ гонца, что Исаакъ недалеко отъ *Арбы* находится. Въ радости, *Елїазаръ* поспѣшаетъ возвѣстити осемъ владыкѣ своему. Онъ обрѣтаетъ его подъ сплетѣнными вѣтьвїями древесъ сидяща, и съ восхищенїемъ вѣщаетъ ему.

Насталъ радостный денъ, о блаженнѣйшїй отецъ, день давно уже желаемый нами: Исаакъ идетъ испросити благословенїе твое и пасти во обьятїя Саррины. Гонецъ возвѣстилъ намъ скорое его пришествїе. Уже радостные гласы среди становъ и

въ

вѣ тѣняхѣ окрестныхѣ пальмовыхѣ древесѣ раздаются; уже соборище, отроковѣ, сопутниковѣ Исааковыхѣ увѣнчеваютѣ главы свои соплетѣнными изѣ цвѣтовѣ вѣнками; прекраснѣйшія отроковицы настроеваютѣ златыя свои гусли, и спѣшатѣ во срѣтеніе сына обѣтованія дабы сопроводить его при гласѣ Мусикїйскомѣ. Но что вижу я, о отче вѣрныхѣ? лютая скорбь на свѣтломѣ челѣ твоемѣ зрится, ты внимая словамѣ моимѣ испускаешѣ воздыханія изѣ глубины своего сердца. Вѣ наметахѣ твоихѣ радость на лицѣ каждаго обитаетѣ, но твое лице оною не озаряется! Прости что я дерзаю вопросити тебя о причинѣ сѣтованія твоего: какая печаль можетѣ имѣть столь силы, что бѣ истребить ту радость которую возвращеніе сего отрока, вѣ дому твоемѣ изливаетѣ.

Елїазарѣ трепеща слышитѣ сей отвѣтѣ Авраама: Неужели рокѣ смертныхѣ мало тебѣ извѣстенѣ, о *Елїазарѣ*, что удивляешся, зря прискорбіе на челѣ моемѣ вѣ то время, когда ты мнѣ радостнѣйшую вѣсть приносишѣ?

сишъ? Ахъ! знай что радость не всегда обитаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ пляски и пѣсни оную призываютъ. Богъ, по премудрому своему благоволенію, опредѣляетъ каждому изъ человѣкъ, неравныя участи жизни, присоединяетъ всегда нѣсколько подкрѣпляющаго духа веселія къ горестямъ нещастнѣйшихъ человѣковъ; и непрестанно возмущаетъ блаженство любезныхъ чадъ своихъ мрачными днями, и бурными нощами. Ахъ! когдабъ ты зналъ то, что противу воли моея разпространяетъ печаль на лицѣ моемъ, ты самъ поощрялъ бы меня скорбь мою сносити! .....

Я страшуся, о Авраамъ слышати причину оныя изъ устъ твоихъ. Однако какая бы она была? ..... колико зримая въ очахъ твоихъ глубокая печаль меня ужасаетъ? .... чемъ щастіе твое помрачитися можетъ? Домъ твой на которой Богъ изливаетъ благословеніе свое, не въ цвѣтущемъ ли состояніи пребываетъ, Сарра здравствуетъ, сынъ твой, какъ вѣстникъ повѣдалъ намъ, возрастаетъ подобно масличному древу,

ороша-

орошаемому прохладнымъ воздуха растворенїемъ. Цѣломудрїе и непорочность, толико блистаютъ на благородномъ зракѣ юноши сего, что онъ всѣхъ зрящихъ его, сердца къ себѣ привлекаетъ..... Я непостигаю какая печаль тебя терзаетъ..... Позволь рабу своему предъ тобою вѣщати: Не обьята ли душа твоя страхомъ или отъ сновидѣнїя, или отъ предусмотренїя будущаго нещастїя, или непроизошелъ ли оной отъ подобнаго тому Ангела, которой показалъ тебѣ пылающїй Содомъ? Да отвратитъ Владыко небесный отъ главы твоея грозящее тебѣ бѣдствїе, и да поразитъ онымъ враговъ своихъ.

Имѣя видъ исполненный благости, сей святый старецъ отвѣтствовалъ ему, вѣрность твоя и добросердечїе во всѣхъ дѣлахъ твоихъ являющїяся, давно уже приобрѣли тебѣ любовь въ сердцѣ моемъ, которое съ радостїю и въ твоемъ оную обрѣсти желаетъ; днесь я тебѣ тайну онаго открою. Увы! должно ль мнѣ отрещися отъ слабыя утѣхи, видѣть страданїемъ извлекаемыя изъ очей твоихъ слезы?

И такЪ познай судьбу мою. При восхожденіи солнца принося Всевышнему на святомЪ холмЂ жертву, я зрЂлЪ Господа явившагося мнЂ. Никогда онЪ не являлся очамЪ земнородныхЪ со толикимЪ сіяніемЪ и со таковою славою. Я созерцалЪ его превознесенна на престолЂ поддерживаемомЪ Херувимами. ОнЪ проходилЪ сквозь тьмочисленныя полки АнгеловЪ сіяющихЪ яко солнца и закрывающихЪ лица свои лазоревыми крылами. БезЪ сумнЂнія какой нибудь небесный духЪ подкрЂпилЪ очи мои, дабы возмогЪ я снести сіяніе сего небеснаго зрЂлища. ОнЪ возвалЪ меня по имени моему, самЪ онЪ возвалЪ меня! и повелЂлЪ взять Исаака возлюбленнаго моего, и вести его вЪ Морію, и тамо на одномЪ изЪ холмовЪ, заклати его на жертву. Заутра, о другЪ мой при первыхЪ лучахЪ утренніа зари востану я, и исполню надЪ сыномЪ моимЪ велЂніе Божіе.....

*Еліазар*Ъ, при каждомЪ словЂ пораженЪ будучи страхомЪ и ужасомЪ, выслушавЪ строгое повелЂніе Божіе, и благоговЂйное повиновеніе Патріарха,

арха, не могъ воздержаться, что бъ не изъявить скорби своея; токи горькихъ слезъ оросили его ланиты. Онъ любилъ отца, но еще паче любилъ сына; ибо отъ юнѣйшихъ лѣтъ Исаакъ былъ ввѣренъ его попеченію. Цѣломудренная лѣпота отрока, въ юнѣйшіе дни свои приемлющаго поученія въ добродѣтели, стремительное желаніе почерпать изъ устъ старца сего правила мудрости, которыя онъ старался изъяснять или въ поучительныхъ притчахъ, или въ вымыслахъ стихотворческихъ и всѣ любви достойныя качества кои онъ обрѣталъ во Исаакѣ, такую къ нему любовь въ сердцѣ его воспламенили, какой онъ не чувствовалъ бы и къ собственному своему сыну. Сего то ради сердце его толико терзалося въ сію минуту: чистосердечная его печаль видимая на лицѣ его, каждаго преклоняла на жалость. Аврамъ зрѣлъ скорбь сію, но спокойствіе души его ни мало не измѣнилось.

Что слышу я! тако вопія изъявлялъ *Еліазаръ* страданіе души своея: что вѣщаешъ ты мнѣ! .... Отецъ

нёща-

нещастный!.... Сынъ злополучный!... Онъ умретъ!.... Отъ руки отца своего, отъ руки человѣка родившаго его! и Господь сотворитъ сіе повелѣваетъ, самъ Господь ниспославый на землю Ангеловъ возвѣстити зачатіе его! Господь, чрезъ начальники ихъ избравый Сарру, щастливою матерїю, сына обѣтованїя! Самъ тотъ кто явилъ намъ въ тебѣ, о святый отрокъ! великое обѣтованіе, Бога Мессїю, спасеніе мїра. Сей Богъ тебя заклати повелѣваетъ! дни возлюбленнаго моего прекратятся! живыя и прїятныя очи его не будутъ уже болѣе устремлятися на меня, изъявляя горячность сыновнюю. Увы! въ прохладные вечера̀, небуду я уже болѣе съ нимъ бесѣдовать о добродѣтели патрїарховъ, и о ихъ божественномъ упованїи. И такъ тщетно воспламененная священною любовїю Сарра, прижимала тебя къ матернему своему сердцу, и воздавая славу Господеви, орошала тебя слезами радости! Увы! такъ тщетно и *Елїазаръ* восхвалялъ тебѣ въ священныхъ пѣсняхъ, на согласныхъ

стру-

струнахЪ гуслей отцевЪ нашихЪ, дабы напечатлѣть на скрыжалѣхЪ нѣжнаго твоего сердца, святыя правила добродѣтели! Изчезла надежда, зрѣть тебя когда нибудь подпорою дряхлой старости моей, и жизнь твою подобную жизни АнгеловЪ, утѣшенїемЪ померцающихЪ очей моихЪ! Ты изчезаешЪ, сладкая надежда! подобно облакамЪ утреннимЪ, подобно тщетному воплю родителя лишившагося своего сына, терзающа власы свои надЪ гробомЪ его. АхЪ! коль жестоко участь твоя тревожитЪ сердце мое, участь твоя, о родитель до селѣ щастїемЪ наслаждавшійся, а днесь всего лишенный, лишенный всякїя надежды, подобно кедру сокрушенному.... Но прости, о Владыко небесЪ, прости сїе законопреступное сѣтованїе, если токмо оплакивать судьбу Исаака беззаконїемЪ почесть можно!... Како содрагаются кости мои! ОнЪ умретЪ, наслѣдникЪ перваго обѣтованїя! и глаголЪ Предвѣчнаго сЪ нимЪ же прейдетЪ? Но увы! неужели раскается онЪ о томЪ что восхотѣлЪ быти спасителемЪ нашимЪ?

шимъ? Возможно ли чтобъ земля, которую въ первыхъ восторгахъ радости моея, уже зрѣлъ я освященною стопами Богочеловѣка, нашего Ходатая, кою видѣлъ я обагренную его кровїю и исполненную вѣры и истинны хранителями. . . . Возможно ли чтобъ оставленная и покрытая вѣчными мраками, пребыла она навсегда обиталищемъ мятежниковъ и злодѣевъ? Увы что воспослѣдуетъ съ нами, что воспослѣдуетъ съ грядущимъ потомствомъ нашимъ? Возобновленная земли весна пребудетъ ли суетнымъ мечтанїемъ, весна которую въ *пророческомъ* сновидѣнїи явилъ мнѣ Ангелъ! Нѣтъ, словеса Божїи неподвижнѣе высокихъ горъ и непоколебимѣе мїровъ! Уже онъ изрекъ! почтоже повелѣваетъ тебѣ заклати на жертву того, кто избранъ исполнити? По что хощетъ онъ, чтобъ ты заклалъ отца великаго Мессїи? Здѣсь умъ мой мятется и погружается во мракъ седмерицею усугубленный! О Авраамъ, еслибъ ты не имѣлъ толь ясныхъ доказательствъ что Господь тебѣ явился, то не

могъ

могъ бы я повѣрить сему грозному веленїю.

Тако вѣщалъ *Елїазаръ*, и хотѣлъ еще продолжать сѣтованїя свои, но Божественная добродѣтель Авраамова прервала оныя!

Елїазаръ, я со дружествомъ внималъ роптанїямъ отъ горячности твоей произтекающимъ. И ахъ! могули я видѣть безъ страданїя орошаемый зракъ твой слезами для Исаака? Однако слышать роптанїя, кои прискорбная душа твоя противу небесъ произносити дерзаетъ да премѣнятъ они уставы свои, слышатъ сумнѣнїе и недовѣрчивость изъ устъ твоихъ исходящїе, о! другъ мой, се единое терзаетъ душу-мою, и терзаетъ ее паче нежели собственная скорбь моя. Но Богъ зритъ правоту сердца твоего, и онъ проститъ тебя. Не огорчайся до чрезмѣрности, о другъ мой смущенїемъ души моея! хотя она страждетъ, но Господь вѣсть причину и мѣру страданїя ея. Печаль отъ Господа ниспосылаемая, должествуетъ быти человѣку прїятнѣе всѣхъ веселїй, кои онъ самъ обрѣтаетъ.

таетъ. Я съ радостїю повинуюся тому, коему небеса со страхомъ покоряются. Я со благоговѣнїемъ сношу страданїе и пребываю безмолвенъ!... Но если смерть Исаака, въ коемъ ты безъ сомнѣнїя лишаешся веселїя и подпоры старости своея, толико тебя сокрушаетъ, то да утѣшится сердце твое зря собственную скорбь мою. Увы! кому утрата сїя толико какъ мнѣ, чувствительна быти можетъ? Кто лишается толь прїятнаго и толь сладостнаго зрѣлища? Для кого оное незапно претворяется во мракъ и сѣни смертныя? Не тщетная надежда обавающая суетныя очи, непустыя желанїя яко прахъ отъ дохновенїя предъвѣчнаго развѣвающїйся, днесь отъ очей моихъ изчезаетъ. Нѣтъ, самъ Саваоѳъ обѣщалъ оныя исполнить; часто я бесѣдовалъ о нихъ съ Серафимами; и сїи желанїя были самыя усерднѣйшїя нашихъ святыхъ Патрїарховъ. Но тотъ, коего благость мнѣ оныя даровала, тотъ самой и лишаетъ меня оныхъ..... Правда что мое родительское сердце поражено симъ ужаснымъ ударомъ,

 однако

однако оно безъ роптанія повинуется, и со благоговѣніемъ признаетъ власть Всевышняго! . . . . И не имѣетъ ли онъ права поступать съ созданіемъ своимъ какъ угодно пресвятой его волѣ? И кто можетъ вопросити его что творитъ онъ? Какое безуміе, какое дерзновеніе, для слабой твари, для червя, для цвѣтка увядающаго, желать постигнуть премудрые Божіе совѣты? Изъ стяжаемаго нами, имѣемъ ли мы что нибудь собственное? Менѣе же всего принадлежитъ кровь, которую оживляетъ въ насъ благословеніе превѣчнаго. Но Исаакъ еще менѣе мнѣ принадлежитъ: Господь мнѣ ево далъ? Тотъ которой сокровенными судьбами ниспославъ мнѣ его, тотъ самой у меня паки его отъемлетъ. Но какъ отъемлетъ? Онъ повелѣваетъ да самъ я принесу его на жертву Господеви! Рука родителя менѣе ли принадлежитъ Создателю, какъ и рука чуждаго? И такъ хотя она и вострепещетъ, хотя и воспротивится, однако сія рука послушна пребудетъ сотворшему ее. . . . . О нѣжное имя родителя, столь пріятное

тное слуху, столь сладостное сердцу, когда любезные чада обнимая нашу выю тебя произносятъ, тогда тлѣнными узами человѣческими ко смертнымъ, ко тварямъ персти ты насъ привязуешъ; когда рекъ зиждитель міра, тогда должно тебѣ умолкнути! тогда рука пріобыкшая ласкать нѣжныя ланиты младенца, должна подъятися на заколеніе сего же самаго младенца. Се тако страхъ Божій, тако премудрость мнѣ вѣщаетъ, и я съ веселіемъ внимаю гласу ея! Сіе часто вѣщала она отцемъ нашимъ; они такъ же страдали, но днесь на главы ихъ вѣнцы возложены. Ты же, не сѣтуй о томъ, како Господь исполнитъ обѣтованіе свое. Неисчетныя, и самымъ Ангеломъ несвѣдомыя пути открываются предвѣчному къ совершенію намѣреній его. Да успокоится смятенное твое сердце, и да премѣнится печаль твоя на благочестивое надѣяніе. Остави меня нынѣ, и храни во глубинѣ сердца своего печальную мною тебѣ ввѣренную таину, да не явится оная на челѣ твоемъ: пускай юноши и младыя дѣвицы сопровож-

 даютъ

дающЪ Исаака съ радостными плясанїями, пускай кликЪ радостныхЪ пѣсней ихЪ раздается повсюду. Тако вѣщалЪ отецЪ вѣрныхЪ, *ЕлїазарЪ* отходитЪ со глубокимЪ молчанїемЪ; но сердце его снѣдаемо было лютѣйшею скорбїю, хотя онЪ и чувствовалЪ вЪ себѣ благодушїе Патрїарха. Кто тебя не ощущаетЪ, о небесная добродѣтель, БожествомЪ воспламеняемая искра священнаго огня, коимЪ озаряются Серафимы! Кто не возлюбитЪ тебя, когда ты являешся сїяюща красотою небесною! Ты намЪ и тогда любезна, когда насЪ караешЪ! Горестная печаль и богопротивное стенанїе тайно ропщущее на всесильное провидѣнїе узрѣвЪ тебя умолкаетЪ, и бѣгаетЪ свѣта коимЪ ты озаряешЪ души возлюбленныхЪ твоихЪ. Укрѣпленный тобою АвраамЪ, сЪ непобѣдимою твердостїю духа снесЪ жесточайшее мученїе. Таково было преславное мужество Архангела Михаила, когда вооруженный силою Божества и одолѣвающїй супостатовЪ, явился онЪ на мѣстѣ ополченїя во странахЪ небесныхЪ среди

полчищЪ

полчищЪ бунтующихЪ духовЪ, и когда подобно несокрушимому мармору, безбоязненно отражалЪ удары враговЪ Бога своего.

АвраамЪ осѣняемый тѣнями священнаго сего лѣса, продолжалЪ еще прохаживатися во onoмЪ. Множество размышленій упражняли его сердце, но добродѣтель всегда оставалась побѣдоносною; добродѣтель отЪ всевышняго сЪ превыспреннихЪ небесЪ, гдѣ она Серафимами почитается, смертнымЪ ниспосылаемая, сія добродѣтель господствующая сама надЪ собою, и добровольно служащая Божеству! между размышленіями колеблющими тревожущуюся его душу, иные представляютЪ ему Сарру, нѣжную матерь юноши. Возвѣстить ли ей велѣніе Божіе прежде исполненія онаго или таить, о семЪ онЪ сперьва помышлялЪ больше всего. Правда, что сердце его трепетало когда онЪ воображалЪ чрезмѣрную скорбь какою она терзатися будетЪ, но менѣе ли поразитЪ ее сей жестокій ударЪ, и менѣе ли она будетЪ сокрушатися услыша сіе повелѣніе по исполненіи

 онаго;

онаго; можетъ быть матернее ея сердце обрящетъ еще сладостное утѣшенїе, когда предъ любезнѣйшимъ своимъ сыномъ проливати будетъ горестнѣйшую печаль свою! .... Но нѣтъ, вѣщалъ онъ самъ себѣ, какое мое заблужденїе? ея нѣжное сердце не возможетъ снести сея плачевныя разлуки! Нѣжнѣйшая матерь! она умретъ во обьятїяхъ отрока, она не пренесетъ сего горестнаго разлученїя! Коль скоро узритъ дражайшїя его очи, чистѣйшую его невинность, то душа ея пребудетъ прискорбна до смерти. Какъ могу я исторгнуть его изъ обьятїй слезящея матери? Увы! какъ я возмогу..... Самъ отрокъ падетъ отъ поражающихъ его злополучїй. Правда что непорочная душа его воспламененная горячимъ усердїемъ ко святой добродѣтели, ревнуетъ исполнять по ней самимъ дѣломъ; но какъ онъ возможетъ зрѣть отчаянїе любезнѣйшїя и достойнѣйшїя матери, и не умереть отъ скорби? Со трудомъ и я оную премогаю. И такъ я единый буду сносить бремя тоски моея, я не нарушу веселїя, радостнаго

дня

дня сего. Да насладится Сарра въ сіи послѣдніе часы восхищеніемъ быти матерію во всемъ онаго совершенствѣ. Но когда уже преидетъ время сокрывать сію тайну, тогда, о! Творче премилосердый, подкрѣпи ея восколеблющуюся бодрость, да не снидетъ она отъ печали во гробъ.

Вѣщая тако возвращается онъ вспять во свое жилище. Спокойствіе начертавалось на лицѣ его, но сердце его неизреченнымъ мученіемъ терзалось.

Пѣснь Вторая.

Между тѣмъ полдень ниспускается на землю во всемъ блистаніи своемъ, и ведетъ за собою часы толь страстно Саррою желаемые. Исаакъ сопровождаемый рабами дома Нахорова, подходитъ къ дому отца своего. Друзья его, прекрасное соборище юношей обоего пола, вышли ему во срѣтеніе, и пріяли его съ радостными восторгами и согласными пѣсніями

на вершинѣ одного пригорка, съ коего свеселїемъ обозрѣвалъ онъ блаженныя Маврїйскїя долины. Тамо сошелъ онъ съ велблюда своего и палъ во объятїя Азаеля, любезнѣйшаго друга своего, потомъ обнялъ онъ Авеля, Дедана и Карма, любезныхъ юношей въ дому Авраамовомъ рожденныхъ. Но сердце его поспѣшать ему повелѣваетъ; зрѣлище друговъ его усугубляетъ въ немъ стремительное желанїе облобызати ланиты Сарры и припасти къ колѣнамъ Авраамовымъ. Сидяще подъ высокимъ кипарисомъ простирающимъ сѣнолиственныя вѣтвїя на всю храмину ихъ, оба они его ожидаютъ, но съ чувствованїями весьма различными. О колико рвется сердце юноши сего, онъ стремится во объятїя Сарры! Она прїемлетъ его со всею матернею горячностїю, лобзаетъ его стократно, прижимаетъ ко своему отъ радости трепещущему сердцу. Тако нѣжная супруга обымаетъ возлюбленнаго своего, зря его грядуща изъ тѣхъ далекихъ странъ, въ коихъ велѣнїемъ судьбы проводилъ онъ

седьмь лѣтъ въ тоскѣ и скукѣ; Провидѣніе возвращаетъ его достойна ея нѣжности, и блаженнѣйшія дни жизни ея, награда ея упованія съ нимъ купно возобновляются; она спѣшитъ во срѣтеніе ему, объемлетъ руками своими выю его, и въ восторгѣ радости своея пребываетъ безмолвна: таково было чувствіе нѣжности, которое матерь Исаакова ощущала въ душѣ своей, держа его въ своихъ объятіяхъ и орошая его слезами радости, но она не могла предъ нимъ вѣщати, чувствительное ея сердце было преисполненно веселія и имѣло нужду изліятися. Авраамъ былъ свидѣтелемъ сего разительнаго зрѣлища. Бодрствующая душа его не могла противитися непреодолимому естеству; онъ возводитъ очи свои къ небесамъ, и токи слезъ по ланитамъ его протекаютъ.... Тогда сей юноша тихо оставя матерь свою, падаетъ ко стопамъ старца, и обымая колѣна его, вопіетъ: благослови меня, о отче мой!.... да восхвалится пресвятно Богъ Авраамовъ!. Ахъ! я паки зрю лице твое приклоняющееся ко

мнѣ со всею отеческою горячностїю. Тако вѣщаетъ онъ: Авраамъ, коему имя отца никогда не было столь любезно и столь страшно, объятъ ужасомъ смѣшеннымъ съ радостїю и скорбїю. Но подкрѣпленный будучи духомъ Божїимъ, вѣщаетъ онъ сїи слова благословенїя.

Буди благословенъ сыне мой, будь благословенно чадо Божественныхъ обѣтованїй! Да благословитъ избравый тебя Господь, яко чадолюбивый отецъ! да ниспослетъ тебѣ съ высоты своея что благоугодно предъ очами его.

Сарра видитъ появляющїяся слезы во очахъ Авраамовыхъ, но слезы не отъ радости проистекающїя; она примѣчаетъ на лицѣ его сокровенное страданїе душевное; но радость ее столь велика, что она не можетъ никакого злополучїя опасатися. Однако образъ сей на скрыжалѣхъ сердца ея начертавается. Исаакъ паки возвращается ко своей матерѣ, она паки объемлетъ его съ таковою же горячностїю, съ каковою обнимала во время пришествїя его. Источники радости,

дости, коею исполнено сердце ея, протекая изъ жилъ въ жилы, во уста изливаются въ словесахъ нѣжнѣйшихъ: тако изъявляется непорочность, тако выражается любовь естественная. Серафимъ, небесный хранитель Исаака, простираетъ свои крылїя на святое сїе семейство, и устремляетъ нѣжные свои взоры то на Авраама, то на Сарру коея возобновленная красота блистаетъ подобно вечерней багряницѣ во время яснаго зимняго дня.

Между тѣмъ радость водворялась въ хижинахъ далеко простирающихся; звуки гуслей и гласы пѣнїя слышатся подъ пальмами и въ сѣняхъ, и раздаются окрестъ возвышеннаго намета сего божественнаго Патрїарха. Во внутренности сего намета находилася гора алебастроваго камня, въ которомъ изсѣчена была пещера; среди сей пещеры устроена была купель воды здравой и прохладной. Два раба повели во оную Исаака, и омывъ ноги его, всѣ члены помазали благоуханїями и отерли оные тонкими лентїями. Коль скоро онъ вышелъ

изъ купели, тотчасъ облекли его въ одежду тончайшую и бѣлую яко снѣгъ, и препоясали его стройной станъ златотканнымъ поясомъ: Тако украшенный восходитъ онъ во скинію въ видѣ любезныя юности. Подобно пріятная весна, протекая исполненныя благоуханіемъ воздушныя страны, низпускается въ долины розами изпещренныя, златые часы окрестъ ее ликовствуютъ; изобиліе летаетъ остраны ее, изобиліе, которое изъ неистощимаго своего рога, подобно росѣ сыплетъ плодородіе, пріятности и забавы на злачныя поля. Авраамъ зритъ въ сынѣ своемъ лѣпоту божественныя Сарры: тако румянецъ юности покрываетъ его ланиты бѣлизною кринамъ подобящіяся, тако очи его взирающихъ на него восхищаютъ, тако возноситъ онъ чело свое. Сарра видитъ въ нѣжномъ лиценачертаніи юноши сего величественный видъ, коимъ украшенъ былъ Авраамъ во дни младости своея; тотъ же небесный духъ блисшалъ во очахъ его; тоже неустрашимое мужество возвышало черты

его изображающїе его душу, тако зрѣли они себя во Исаакѣ, и сугубо въ немъ себя любили. Но между тѣмъ какъ Авраамъ созерцалъ сына своего, бїенїе скорбящаго его сердца умножалось, и онъ едва могъ воздержати слезные токи.

Се настаетъ часъ умѣренныя, но благословенныя трапезы. Младыя отроковицы препоясанныя прекрасными поясами, поставляютъ на столъ простыя яствы, и воду чистую яко кристаль. Природа многаго не требуетъ, и истинныя веселїя не отъ шумнаго вина проистекаютъ. По окончанїи трапезы, Сарра нѣжно устремляя взоръ свой на Исаака, тако вѣщаетъ ему: теперь, о сыне мой, первое желанїе паки зрѣть тебя, уже удовлетворенно, новое еще возраждается въ сердцѣ моемъ, желанїе знать какъ обрѣтаются любезныя мои родственники. Повѣждь мнѣ о Мелхѣ, вѣрной другинѣ юности моея, возвѣсти о чадахъ рожденныхъ ею Нахору, и о дщерѣ Ваѳуелевой! Но паче всего вѣщай мнѣ, како далече отъ очей моихъ въ землѣ Харанской,

про-

проводилъ ты время! .... Исаакъ преклоняется на прошенїе своея матери. Тотъ часъ посребренная лютна умолкаетъ, младыя дѣвицы прерываютъ пѣсни, коими они увеселяли трапезу. Тимна любезная Саррина рабыня, зерцало всѣхъ прїятностей, воспѣвала радость друговъ подолговременной разлукѣ паки себя узрѣвшихъ, и сладости сердецъ соединяющихся послѣ давно продолжающейся и самимъ имъ неизвѣстной любви; такожде воспѣвала она прекрасныхъ дщерей Сифовыхъ, сыновъ Ноевыхъ, кои одни тогда населяли землю Но ты умолкаешъ коль Исаакъ приклонился на прошенїе Сарры и жаждущїе твои очи устремляешъ на очи юноши сего, ты оставляешъ лютну свою, коль скоро онъ разверзъ уста свои. Вся бесѣда умолкаетъ. По лѣвую страну Авраама сидитъ *Елеазаръ*, а по правую у Сарры Гетура наперстница ея. Близъ Исаака зрѣлся младый Азаелъ, который наиболѣе уподоблялся ему лѣпотою души своея.

КакЪ во время пріятнаго вечера спутникЪ весны, громогласный соловей возбуждаетЪ такЪ сказать отЪ сна сладкимЪ своимЪ пѣніемЪ дремучіе дубравы; тогда листвія древесЪ повсюду умолкаютЪ, вечерніе Зефиры удерживаютЪ нѣжное дыханіе свое, и пѣснопѣвцы лѣсные собравшись на окольныя вѣтвія протягиваютЪ свои шейки и преклоняютЪ слухЪ ко вниманію: подобно сему была сладость бѣсѣды юноши сего, таково было вниманіе окрестЪ его сидящихЪ и сЪ нетерпѣливостію желающихЪ слушати его; и онЪ тако началЪ:

БлагословенныйдомЪ НахоровЪ, куда проводилЪ меня Ваѳуель, скоро сталЪ для меня второю Мамврикіею. Горячность Мельхи тщившейся заступить во мнѣ мѣсто Сарры, вскорѣ возвратила радость моему сердцу. Часто вЪ сладостномЪ забвеніи отЪ лобзаній ея, чаялЪ я плакати во объятіяхЪ матери моея; и вЪ сонныхЪ видѣніяхЪ АнгелЪ снисходилЪ сЪ небесЪ утѣшати меня; онЪ увѣрялЪ что всевышній на меня призираетЪ и благословитЪ узрѣти паки домЪ отца моего.

моего. Тако сердце мое паки начало наслаждатися сладкимъ миромъ, благорастворѣннымъ воздухомъ тоя страны и пріятнымъ дружествомъ, никакой скорби не будучи причастно. Скромнымъ веселіемъ сопутствуемые часы, подобно любезнымъ братіямъ находили меня окруженна друзьями. Иногда со сверстниками моими обтекалъ я окружающія Хараанъ холмы, рвалъ тамо цвѣтки и примѣчалъ, какъ естество оные разположило. Иногда же сидя у ногъ Нахоровыхъ внималъ я повѣствованіямъ о нравахъ и премудрости Патріарховъ, како они вели жизнь свою по стезямъ Господнимъ, и како бѣсѣдовали съ Богомъ и Ангелами его. Пріятныя уста Нахоровы източаютъ строгую премудрость. Время протекающее во слушаніи его кажется мгновеніемъ единымъ. Въ Харанѣ такожде видѣлъ я раждающіяся творенія разума и подражательнаго художества; сея земли мужи, изъ самаго твердаго мрамора высѣкаютъ Ироевъ и Патріарховъ, коихъ исполненное живности положеніе, кажется оживотворѣннымъ. Тамо

зрѣлъ

зрѣлъ я по порядку святыхъ праотцевъ нашихъ: видъ ихъ начертавалъ почтенїе въ сердцахъ зрителей. Изъ крушцевъ ваяютъ кумиры и поставляютъ оные на подножїя; пѣнїе, любезное пѣнїе лучшее изъ всѣхъ искуствъ человѣческихъ, такъ же въ Харанской землѣ процвѣтаетъ. Пастушки наполняютъ рощи сладостными своими пѣснями. Но дщерь Ваѳуеля, прекрасная Ревека превосходитъ въ пѣнїи всѣхъ сверстницъ своихъ. Гласъ ея сладокъ яко согласїе прiятнѣйшее. Когда она на злачныя луга пригоняла стада свои, то купно и прїятности весны съ собою туда приводила; а когда обращала на меня прелестной свой взоръ, то небесною радостїю исполнялося сердце мое и отъ сладости якобы истаевало. Увы, по что Превѣчный не даровалъ мнѣ сестры! Ахъ! колико бы она была для меня любезна, и еслибъ сестра моя была Ревека, то съ каковою бы я любилъ ее горячностїю! такъ конечно, мы родственники, и мы любили другъ друга какъ единоутробные, Мельха

же

же любила насъ яко чадъ своихъ. Часто, когда мы всѣ трое подъ тѣнїю листвїевъ сидѣли, Ревека воспѣвала на струнахъ златыя лиры, красоту невинности; я внималъ ее со устремленными на прекрасное лице ея очами, и проливалъ отъ горячности произтекающїя слезы, обнималъ сестру свою, а Мелха обѣихъ насъ лобызала. Тогда я чувствовалъ что сердце мое возвышается; новыя мысли стольже непорочныя какъ и Ревека, возносили меня на крилахъ своихъ ко престолу выспреннему. О! коль любезна являлась мнѣ тогда добродѣтель, и коль легко казалось, шествовать во слѣдъ стопамъ ея! Добродѣтель всегда была мнѣ любезна, но я возлюбилъ ее еще болѣе съ того времени какъ въ Ревекѣ узрѣлъ явной образъ оныя. Повѣждь мнѣ, о матерь моя, ты любила братьевъ и сестеръ своихъ, не природная ли склонность приводитъ въ движенїе сердца наши, когда мы зримъ другъ друга? Однажды гуляя въ рощѣ, когда приклонилъ я ухо мое ко гласу соловья, почувствовалъ въ сердцѣ моемъ

садо-

сладостную склонность ити во извѣстныя мнѣ мѣста. Я туда пошелъ и обрѣлъ тамо Ревеку пасущую свое стадо. Ахъ! съ какимъ веселїемъ время при ней протекаетъ; прїятный тонъ ея гласа течетъ изъ румяныхъ устъ ея. Никогда она не преставала слушать расказываемыя мною по вѣсти, повѣданныя мнѣ Елїазаромъ и блаженнымъ отцемъ моимъ; никогда не преставалъ я внимать священнымъ ее пѣснямъ, коимъ она изучилась отъ превосходнаго сладкопѣвца Авїасафа. Иска сестра Мелхина, супруга въ Харанѣ обитающаго Кенаса, родила только его единаго. При рожденїй его, Муза, дщерь небесная, прижавъ его къ персямъ своимъ наименовала пѣснопѣвцемъ страны сея. Едва Авїасафъ достигъ только осьмагонадесять лѣта, уже воспѣваетъ пѣсни и мудрыхъ старцевъ увеселяющїя. Предводительствующу ему юношествомъ земли сея, каждой изъ пастырей старается заслужити хвалу его: но онъ единую только воспѣваетъ добродѣтель, и единую невинность благостїю именуетъ. Въ

землѣ

землѣ Харанской Авїасафъ былъ любезнѣйшимъ моимъ другомъ. Хотя нѣсколькими лѣтами онъ меня и превосходилъ, хотя и былъ больше меня одаренъ разумомъ; однако сердца наши сопряжены были едиными склонностями, единою любовїю къ добродѣтели и единымъ къ лѣпотѣ вкусомъ. Во время прохладныхъ вечеровъ, о! дражайшая матерь, услышишъ ты пѣсни его. Онъ меня научилъ имъ, а я научу Тимну. Какїя прїятности вкушалъ я отъ дружества съ Ревекою и Авїасафомъ! како бы я возмогъ разлучитися съ ними, если бы не имѣлъ столь чадолюбиваго отца и мать столь много пекущуюся заступити во мнѣ мѣсто Ревеки и Авїасафа! Тако протекали дни мои въ плодоносныхъ поляхъ Харанскихъ.

Такова была повѣсть Исаакова: къ сему онъ еще присовокупилъ и о всемъ что происходило до того времени, какъ онъ прощался со Нахоромъ и Авїасафомъ, съ Мелькою и Ревекой. При семъ воспоминанїи, почувствовалъ онъ все что ощущалъ разлучаясь съ ними: словеса во устахъ

его

его пресѣкаются, лице его орошается слезами, и Сарра лобзаніями своими оныя осушаетъ. Оживленные матернею любовію Саррины взоры устремлены были на очи сына ея. Вскорѣ потомъ воздала она благодареніе Владыкѣ небесъ, которой храня непреложно обѣты данныя Аврааму, милостиво на Исаака призираетъ, и открываетъ уже ему грядущее блаженство. Во все сіе время очи окрестъ сидящихъ, безпрестанно устремлены были на уста сего юноши; всѣ со вниманіемъ преклоняютъ къ нему слухъ свой, единый только Авраамъ пребываетъ еще погруженъ въ глубокой задумчивости. Между тѣмъ единъ изъ рабовъ пришедъ къ нему вѣщаетъ, что нѣкіе чужестранцы съ четырмя велблюдами вступили во дворъ его; онъ обьявляетъ ему что между ими находится одинъ цвѣтущихъ лѣтъ и благороднаго вида; а при немъ почтенной старецъ держитъ любезное отроча на своихъ колѣнахъ, и рабы слагаютъ со скота Аравійскія сокровища, состоящія во Ѳиміямѣ, Смирнѣ и Ароматахъ собран-

бранныхЪ на благовонныхЪ горахЪ Гилегадскихъ. АвраамЪ послѣдуемый ЕлеазаромЪ выходитЪ дружественно пріяти сихЪ пришельцовЪ и просити ихЪ вЪ сѣнь свою. Но какимЪ онЪ исполненЪ былЪ удивленіемЪ, когда вЪ лицѣ чужестранца узрѣлЪ Измаила, сына Агары Египтяныни! ИзмаилЪ повергается ко стопамЪ отца своего и обьемля колѣна проситЪ его благословенія. Буди благословенЪ, о! сыне мой, АвраамЪ ему вѣщаетЪ: вЪ тебѣ познаю я самЪ себя! я сЪ радостію зрю добродѣтель начертанную на лицѣ твоемЪ; пріятно мнѣ благоуханіе одежды твоея, благоуханіе столь же сладостное какЪ благовоніе полей ГосподнихЪ. Пріиди, сынЪ мой возлюбленный, пріиди возвѣсти намЪ чудеса творимыя БогомЪ для Измаила, для корене Авраамова. Но вѣщай кто есть любезное отроча, коего старецЪ сей держитЪ на лонѣ своемЪ. Черты лица его, твоимЪ подобны. ИзмаилЪ пріялЪ сего младенца и повелѣвЪ ему приклонити колѣна свои сЪ нѣжнымЪ почтеніемЪ, возопилЪ: о! отче мой, благослови

Нева-

Нїоваафа, первенца моего, дарованнаго мнѣ Богомъ въ землѣ Фаранской. Принужденъ будучи итти во страну Гилегадскую взялъ его съ собою, да восприїиметъ отъ тебя благословенїе. Позволь, о отче мой, пребыти ему съ тобою до возвращенїя моего. Аврамъ воспрїявъ на руки младенца, лобзаетъ его и возведши очи свои на небо возсылаетъ о немъ горячїя мольбы. Потомъ приглашаетъ сына своего слѣдовать за собою въ сѣнь; а *Елиазаръ* велитъ нести въ горницу дары Исмаиловы.

Авраамъ представляетъ Саррѣ и возлюбленному своему сыну, Измаила и любезное его отроча. Коль скоро Исакъ узрѣлъ брата своего, сердце его отъ радости вострепетало, и прежде нежели Сарра сдѣлала ему привѣтствїе съ горячностїю стремится въ его объятїя. Какъ по долговременной разлукѣ два единоутробныя братья, два близнеца одними сосцами воспитанные, обнимаются проливая радостныя слезы, тако они держали другъ друга во объятїяхъ. Зрѣлище ихъ чистосердечныя дружбы подвигло

Саррино сердце: исполненная матернія горячности, обымаетъ она брата Исаакова и съ нѣжностію устремляетъ на него взоръ свой; но съ большею еще горячностію идетъ она облобызати юнаго Наваїоѳа, которой веселымъ и невиннымъ образомъ якобы зря матерь свою, простираетъ къ ней нѣжныя свои ручки. Потомъ возлегли они на ковры багряныя. Измаилъ на вопросъ отца своего, повѣдалъ ему како Господь пріялъ его подъ покровъ свой; како въ Верзавской пустынѣ, гдѣ Измаилъ чаялъ умрети, сохранилъ онъ его чрезъ Архангела; како прежде сего будучи ловцемъ, обиталъ онъ во степяхъ Фаранскихъ, во удоліяхъ пальмами покрытыхъ; како потомъ отъѣхавъ во Египетъ поялъ жену, которая слѣдовала за нимъ во Фаранъ съ великимъ богатствомъ состоящимъ въ велблюдахъ, юнцахъ и овцахъ; какъ пришелъ въ союзъ съ нагорными обитателями, кои его избрали своимъ начальникомъ для защищенія ихъ отъ набѣговъ Зина и Сафера; како на цвѣтущихъ долинахъ Римма воздвигъ

онъ

онъ олтарь Господу Адонаю, и подъ тѣнями финиковыхъ древесъ раскинулъ свой богатой станъ.

Тако повѣдалъ онъ пути Господни и исполненіе обѣта даннаго матерѣ его небеснымъ вѣстникомъ въ пустынѣ. Въ сей приятной бѣсѣдѣ постигъ ихъ вечеръ. Между тѣмъ страданіе болѣе прежняго подобно облаку, распространялось на челѣ почтеннаго старца. Принужденъ будучи прекратить радость въ дому его царствующую: О! Сарра, и вы любезныя мои чада, вѣщалъ онъ, се нынѣ возвращаетъ мнѣ Господь два дѣтища мои. Исаака, сына обѣтованія, возлюбленнаго моего: днесь прибылъ онъ изъ земли Харанскія, сугубо украшенный добродѣтелію и лѣпотою. Въ сей же самый день и ты, о! Измаилъ, наперстникъ провидѣнія, приходишъ въ объятія мои, днесь ты еще любезнѣе сердцу моему, нежели когда сновидѣніе возвѣстило мнѣ что Господь избралъ тебѣ обиталище во иной странѣ. Но хотя душа моя сладчайшее вкушала бы удовольствіе пребывая съ вами, однако она должна

 пови-

повиноваться велѣнїю всевышняго. Сего утра явился мнѣ Господь, и повелѣлъ итти въ Морїю и тамо на единомъ отъ него мнѣ покозанномъ холмѣ, принести во всесожженїе благоугодную ему жертву. Заутра при восхожденїи денницы долженъ Исаакъ слѣдовать за мною. Человѣкъ по справедливости долженъ со тщанїемъ исполнять волю Господню: ибо и самый Серафимъ непрестанно его созерцающїй, и которой разнося повелѣнїя превѣчнаго протекаетъ небеса яко лучь солнечный, исполняетъ неукоснительно и малѣйшее его мановенїе. О! Сарра, да насладятся очи твои зря Исаака доколѣ еще возможно; но потомъ да будетъ тебѣ Неваїоѳъ утѣшенїемъ въ тоскѣ отсутствїемъ его тебѣ причиненной.

Вѣщающу ему тако, Сарра веселымъ видомъ отвѣтствуетъ ему: Твори, что повелѣлъ тебѣ Саваоѳъ; повелѣнїе его укращаетъ страстнѣйшїя желанїя сердца моего. Нѣтъ, очи мои ни единой капли слезъ не пролїютъ! Очи увидѣвшїе возвратившагося Исаака, зрѣвшїе ознаменованные

ные слѣды благости Божїей, прольютъ токмо единыя радостныя слезы. Гряди, сыне мой! ты благоугоденъ во очахъ превѣчнаго; всюду куда бы ты ни простеръ стопы свои, всюду осѣняемъ будешъ крылами провидѣнїя. Пусть не могу я слѣдовать за тобою: однако всѣ чувствованїя сердца твоего, всѣ страданїя богобоязненныя души твоея и я, подобно тебѣ ощущати буду. Съ высоты престола своего Саваоѳъ услышитъ гласъ мой. Гряди чадо мое, и возвратись вспять исполненно новыми благословенїями. Такъ рекла она объемля его. Юноша долгое время пребывалъ въ молчанїи въ объятїяхъ матери своей, потомъ вѣщалъ: колико почтилъ меня Богъ удостоивъ избрать меня на принесенїе ему со отцемъ моимъ, жертвы всесожженїя. Еслибы мое чаянїе не было чрезмѣрно дерзко, подумалъ бы я что странное нѣкое произшествїе воспослѣдуетъ съ нами. Можетъ быть небеса преклонятся, и Всевышнїи благословитъ мнѣ зрѣть край ризъ своихъ, и слышати вѣщанїя изъ устъ его, или изо

устъ одного изъ Серафимовъ открывающихъ будущее, можетъ быть и удостоюсь я возвести взоръ на златой вѣкъ, Патріархами ожидаемый. Но какое бы таинство всемъ велѣніи ни заключалось, я на все готовъ, о отче мой: коль скоро утренняя заря явится на Оризонтѣ, уже я готовъ буду! О если бы уже насталъ сей вожделѣнный часъ.

Авраамъ внимая словамъ Исааковымъ, возводитъ очи свои на небо и воздыхаетъ отъ глубины своего сердца. Страданія претерпѣнныя имъ до возвращенія сына его, были только единая тѣнь въ сравнѣніи тѣхъ страданіи, коими терзаема была душа его, когда онъ услышалъ его съ таковою невинностію вѣщающаго. Но воля его подъ бременемъ бѣдствій на всегда пребыла непоколебима. Безгласенъ устремляетъ мысли свои къ Богу, и самъ себѣ вѣщаетъ: о творче мой! тебѣ принадлежитъ дѣтище мое, сей богодухновенной разумъ, сіе неповинное сердце, суть дары благости твоея. Отъ твоея воли зависитъ избраннаго своего оставити на

землѣ,

землѣ, да будетъ онъ служити примѣромъ святому потомству; отъ твоея же воли зависитъ и взяти его отъ земли, подобно какъ древле возхищенъ былъ Енохъ, и причести его лику небесныхъ Ангеловъ, дабы удалить его отъ очей беззаконниковъ..... Воззови Исаака! но подкрѣпи меня, о отче мой! да не падетъ душа моя отъ поражаюшихъ ея бѣдствiй: прости мнѣ, коль печаль терзающая сердце мое тебя оскорбляетъ, я утишу страданiе сiе предъ тобою.

Саваоѳъ проницаетъ мысли Аврамовы, и предопредѣляетъ ему стойную награду. Тогда вѣщалъ он серафиму и прочимъ силамъ стрегущимъ входъ восвятая святыхъ:

О! вы Серафимы, вы благопрiятствущiе землѣ, паче нежели всѣмъ мiрамъ, желаете ли зрѣть добродѣтель сыновъ человѣческихъ въ самомъ ея совершенствѣ, возведите на Ханаанскую страну свои очи и созерцайте Авраама. Вы знаете его: часто благочестивой нравъ и добродѣтель его подражающая вашимъ добродѣтелямъ, радостiю васъ исполняла.

Божественное око мое зрѣло только единое существо отъ корене Адамова произшедшее, и столь вѣрно исполнившее намѣренїе, для котораго я создалъ человѣка: единаго, *Еноха*. Но искушенїе коему я подвергаю добродѣтель Авраамову, прославитъ родъ человѣческой, и создавшаго оной!.... Я повелѣлъ ему принести себѣ на горѣ Морїи во всесоженїе Исаака, сына даннаго ему по обѣтованїю моему. Онъ не меньше жизни любезенъ ему; но онъ и достоинъ такїя любви. Въ часъ въ которой сотворилъ я его, я радовался отмѣннымъ веселїемъ, и вы зрѣли душу его, когда Серафимъ низвелъ оную на землю. Силы небесныя, о Серафимъ, блаженнымъ тебя почитали, когда я избралъ тебя хранителемъ ему! Се жертва закаленїя, и онъ со благоговѣнїемъ повинуется мнѣ. Ни единая жалоба не изходила изъ устъ его; онъ страждетъ, но среди страданїй своихъ меня восхваляетъ. И я уже предъуготовалъ ему вѣнецъ въ награду. Отъ корене Авраамова произъидетъ спасенїе мїру, отъ него родится

родится Месія; многіе чада добродѣтели, многіе непорочные праведники нарекутъ его отцемъ своимъ, и наслѣдуютъ мое благословеніе. Ты же, о Ангелъ, сніиди на землю низу; буди свидѣтелемъ благочестія его; да не сокроется отъ тебя ни единое движеніе сердца его, ни единая лица его черта изобразующая его душу; назирай всѣ его мысли, доколѣ узришъ исполненіе, да познаютъ отъ тебя Ангели, коль велика добродѣтель праведника сего.

Между тѣмъ нощъ, звѣздами изпещренныя свои крылья, подобныя крыламъ Херувимовымъ, разпростираетъ въ безмолвіи на померкшее небо. Уже Авраамъ вкушаетъ съ любезнымъ семействомъ своимъ вечернюю трапезу, во время коея наслаждается святою бесѣдою, приличною тѣмъ кои толь часто со Ангелами бесѣдовали, приличною избраннымъ Божіимъ изъ всѣхъ племенъ земныхъ. Торжественная пѣснь прекращаетъ ихъ добродѣтельныя рѣчи. Исаакъ при согласіи Тимниной лютны воспѣваетъ небесную добродѣтель, безпрестанно

 устре-

устремляющую свои очи на существо высочайшее, дабы въ теченіе жизни своея хранити заповѣди его; добродѣтель съ равнодушіемъ пріемлющую отъ десницы Зиждителя, щастіе и злоключеніе; добродѣтель, которая днесь исполненна благодарности съ веселіемъ обозрѣваетъ блаженство будущее; а заутра возведши взоръ свой на сіи радостныя виды, узритъ свою лестную надежду совсѣмъ увядшею. Сія добродѣтель вѣдаетъ, что обитаяй во превыспренныхъ странахъ воздушныхъ избираетъ всегда лучшее для всея твари своея, и премѣняетъ во благо ниспосылаемыя отъ него бѣдства. Се предлогъ пѣсней Исааковыхъ! Сила истинны, высокость мыслей, знаніе божественнаго согласія, все собраніе восхищаетъ. Аврамъ погружается въ приятную задумчивость: мыслящая душа его восходитъ отъ истинны къ истиннѣ, и отъ расмышленія къ размышленію; наконецъ свѣтъ премудрости разгоняетъ въ оной тайныя на провидѣніе роптанія. Пѣснь окончалась, но сладкіи гласъ оныя еще сердце Аврамово

амово чувствуетъ, онъ погруженъ въ своихъ мысляхъ, подобно какъ въ спокойномъ снѣ. Тако Ангелъ неся въ отдаленныя небеса велѣнія предвѣчнаго, приходитъ въ сладкое забвеніе, когда услышитъ звуки небесныхъ гуслей, на струнахъ коихъ безсмертныя существа ударяютъ. Въ то время, какъ удалившись въ горницы свои, наслаждались всѣ сладостію сна, и Авраамъ съ Саррою находились въ своемъ наметѣ, нѣжная матерь Исаакова возхотѣла познать причину скорьби многократно на челѣ супруга своего зримой, и объ оной его вопросила. О! Сарра отвѣтствовалъ ей Авраамъ, праведно твое удивленіе, странное во истинну дѣло видѣть единую печаль тамо, гдѣ ищутъ единыя только радости. Часто чистѣйтая радость, помрачается скоропреходящимъ облакомъ. Но Увы! коль краткое разстояніе между мученіемъ и удовольствіемъ? веселіе сопрпвождаемо бываетъ воздыханіями, а печаль веселіемъ. Однако познай, кая мысль радостныя мои слезы въ горестныя премѣняетъ:

ВЪ то время какЪ ты держала Исаака вЪ объятіяхЪ своихЪ, и какЪ я самЪ наслаждался нѣжнѣйшими чувствованіями, прискорбное нѣкое воображеніе представлялось во умѣ моемЪ, и ужасЪ объялЪ духЪ мой. Но что если незапно превратность щастія, похититЪ у тебя сего любезнаго сына? часто Господь избранныхЪ своихЪ ведетЪ по стезямЪ терніемЪ усѣяннымЪ! Тако самЪ себѣ вѣщалЪ я трепеща; но сія мысль не долго продолжалась.

ОнЪ вѣщалЪ, и вѣщалЪ истинну. Однако матерь Исаакова не можетЪ постигнуть сокровеннаго смысла сихЪ рѣчей. Исполненная соболѣзнованія продолжаетЪ тако:

Что ты мнѣ вѣщаешЪ, супругЪ любезный? какЪ сія страшная мысль возмогла вселитися вЪ душу твою?... АхЪ! я трепещу отЪ ужаса..... О ИсаакЪ, о сынЪ мой единородный, какЪ могу я жить тебя лишася?... Но удались отЪ меня мысль плачевная.... А ты, чадолюбивѣйшій изЪ отцевЪ! мужайся да не востревожитЪ оная болѣе твоего сердца. Возри

на грядущее блаженства исполненное время, тамо приятнѣйшія явленія представляются нашему взору. Чаемыя сіи зрѣлища, составляли веселіе мое, доколѣ сія ужасная мысль, подобно какъ буря благорастворенность воздуха, не помрачила оныхъ. Но возъимѣемъ лучшую надежду и возложимъ упованіе наше на попеченіе провидѣнія, которое намъ его даровало, его сохранило, и исполнило обѣтованія, коихъ воспоминовеніе всегда въ душѣ моей присудствуетъ. О! коль сердце мое отъ радости трепещетъ, когда воспоминаю сладкую надежду, коея исполненіе предвижу я изъ повѣсти Исааковой.... Любезное чадо, уже я зрю тебя блаженна во объятіяхъ дражайшія супруги, и достоиной твоея нѣжности другини; тебя ради самъ Господь украсилъ ее блистаніемъ Авроры, тебя ради сотворилъ онъ ее по склонности непорочнаго твоего сердца. Ты ее любишъ, и ею любимъ взаимно. Уже вижу я себя окруженную великимъ числомъ красныхъ юношей и отроковицъ именующихъ тебя отцемъ

 своимъ,

своимъ, представляющихъ чертами лицъ своихъ образъ твой; уже зрю я ихъ играющихъ окрестъ меня на весеннихъ цвѣткахъ! Пріятное зрѣлище! блаженное чадо! блаженна матерь родившая тебя!.... Среди сея лестныя надежды, года удаляющіе исполненіе обѣтовъ, пролетятъ какъ скоротечные мѣсяцы. И если очи мои сокроются прежде сего времени, если не узрятъ никогда той, которую нѣкогда сынъ мой любити будетъ, ни чадъ кои будутъ произносити имя мое; то душа моя, о любезный супругъ, сопровождаемая Ангелами, будетъ летати невидимо надъ главами вашими и дѣлити съ вами блаженство ваше.

По окончаніи сихъ словъ нѣжнѣйшія матери, тако отецъ паки продолжалъ: Праведно есть ожидати благо отъ источника всѣхъ благъ! надежда, о Сарра, питающая матернее твое сердце, есть чистѣйшая какую Господь смертнымъ имѣть позволяетъ. Блюдися да непредается сердце твое своимъ склонностямъ; но да покоряетъ всегда свои мысли

закону

закону Божїю; ибо часто мысли наши съ Божїими не согласны. Наслаждайся прежде времени блаженствомъ будущимъ, но наслаждайся имъ всегда такъ, чтобъ каждую минуту могла оное оставить.

Тако бесѣдовала Сарра и Авраамъ, покамѣсть сладкой сонъ осѣнилъ ихъ крылами своими.

Пѣснь Третїя.

Среди нощныхъ мраковъ, Серафимъ, небесный защитникъ Исааковъ, внималъ словамъ Сарры и Авраама. Узрѣвъ же ихъ предавшихся сладостямъ сна: О! коль приятное еще спокойствїе вкушаешъ ты нѣжная матерь въ сновидѣнїяхъ своихъ, вѣщалъ онъ самъ себѣ: лѣстная надежда въ коей ты уснула проливаетъ еще ясность на веселомъ лицѣ твоемъ. Но сїя любезная ясность, вскорѣ премѣнится во мрачный страхъ, сїе радостное сердце, скоро оледенѣетъ отъ ужаса! Увы! я зрю тебя яко съ выспренностей небесъ сверженную, и предавшуюся

шуюся стенаніямъ и отчаянію! востанешъ заутра вопіяти станешъ: Ахъ! когда пріидетъ вечеръ. Дневный свѣтъ прежде сего приносившій тебѣ радость, уже тебя устрашати станетъ, и темнота нощная любезна тебѣ будетъ, но неусыпная скорбь твоя, никогда во мрачностяхъ нощныхъ спокойствія себѣ не обрящетъ.... Ахъ, какія слова уста мои произносить дерзаютъ! Сіи мысли не суть мысли Господа, ниже Ангеловъ исполняющихъ съ радостію и благоговѣніемъ тайныя судьбы всевышняго. Слышать сѣтованіе существъ безплотныхъ столь несносно слуху нашему, какъ если бы устройство круговъ небесныхъ разстроилось и поражало бы небеса ужаснымъ несогласіемъ. Сердце мое ощущаетъ страданія твои, о чадолюбивая матерь! ибо сердце твое чувствительно, и душа твоя, хотя чистая яко самая невинность, но столь слаба что не можетъ пренести бѣдствій, на главу твою пролитися готовыхъ. Когда возвожу на тебя взоръ свой, сердце мое содрогается и очи мои

слезы

слезы проливаютъ! Но среди самыхъ соболѣзнованій моихъ, краснѣйшія явленія представляются взору моему! явленія оправдающія стези провидѣнія. О дражайшій Исаакъ, Ангелъ хранитель твой восприемлетъ тебя на лоно свое прежде, нежели онъ уповалъ сіе сотворити: ты уже давно достоинъ обитати въ селеніяхъ небесныхъ!.... Небеса, отверзите врата свои! и вы сѣни подъ которыми онъ вскорѣ воспоетъ хвалу всевысочайшему существу, красуйтеся нынѣ съ большимъ блистаніемъ. Ѳѳирные облака, пролѣйте пріятнѣйшую весну, на тѣ поля вѣчными цвѣтами украшенныя, по которымъ поведу я его въ соборъ Серафимовъ, чтобъ они пріяли его въ свои объятія. Могъ ли я уповати въ то время, когда ты въ невѣдѣніи слѣдовалъ за мною для обитанія во бренномъ тѣлѣ, что такъ скоро наимевую я тебя любезнымъ именемъ брата.... Земная жизнь твоя, коея былъ я свидѣтель и защитникъ, всегда мнѣ обѣщевала неизвѣсныя радости, даже и въ самыхъ небесахъ. Зрѣлище

человѣческой добродѣтели всегда любезно силамъ небеснымъ, а часто и свидѣтелями сея добродѣтели Ангелы бываютъ. Сколь сладостно видѣть на ланитахъ невинности, во очахъ любви слезы первыхъ возхищенiй, когда внутренняя нѣжность являтися принуждена бываетъ. Сколь приятно слуху косноязычное вѣщанiе нѣжнаго младенца, когда онъ на лонѣ матернемъ силится произнести сладчайшiя чувствованiя, кои сердце его ощущало прежде, нежели онъ могъ оныя изъяснити. Сколь восхитительно зрѣть, когда угасшiе и помраченные очи родителя, паки оживляются и блистаютъ въ то время, когда онъ благословляетъ чадъ и потомковъ своихъ, въ сердцахъ коихъ примѣръ его, добродѣтель возбуждаетъ. Сiи то радости надѣялся я узрѣть въ приятностяхъ будущихъ, чтобы помѣстить оныя еще въ лучшiе виды. Они изчезли, подобно какъ изчезаютъ утреннiя сумерки, при явленiи лучей Авроры.... Ты умираешъ о юноша; вскорѣ по смерти насладишся ты лицезрѣнiемъ Бога,

пѣнiемъ

пѣнїемъ Херувимовъ, безконечною жизнїю! . . . Прїиди, друже мой! я не пролїю слезъ взирая на текущую кровь твою, и на преклоняющуюся главу твою подобно увядшему крину. Нѣтъ не проливая слезъ, восприму я тебя, о! праведная душа, на разпростертыя свои крилѣ, и быстрымъ полетомъ пренесу я тебя въ средину ликовъ безплотныхъ существъ.

Тако вѣщая, обращается онъ къ ложу Исаакову и на главу юноши сего низливаетъ прiятнѣйшiя сновидѣнiя. Между тѣмъ заря утренняя являтися начинаетъ; разбужденный перьвыми ея лучами Авраамъ, востаетъ отъ одра своего, и обрѣтаетъ Исаака въ путь уже ити готоваго. Сей юноша разбужденъ былъ таинственнымъ нѣкiимъ сновидѣнїемъ. Онъ и тогда еще мнилъ зрѣти небеса отверсты и полчища Серафимовъ вокругъ божественнаго облака парящихъ, и слышати шумъ лазоривыхъ крылъ ихъ. Въ радостномъ своемъ восторгѣ съ поспѣшностїю оставляетъ ложе свое, и тщательно предъуготовляется въ путь,

путь, которой обѣщеваетъ ему небесное зрѣлище, то есть событіе сновидѣнія его.... Вскорѣ Измаилъ и вѣрный Еліазаръ приходятъ къ нему проститися. Правда, они оба ощущали скорбь разлуки сея, но не въ равной степени. Измаилъ хотѣлъ и въ сей еще день дать отдохновеніе утомленнымъ велблюдамъ; потомъ для собранія ароматъ, Спиканарда и капель мирѳомъ истощаемыхъ, желалъ ѣхать на благовонныя Гилегадскія горы, по возвращеніи своемъ намѣривался онъ препроводить нѣсколько дней съ божественнымъ Патріархомъ, а оттуда возвратитися въ Фаранъ въ объятія нѣжныя Васмафы. Между тѣмъ Сарра, при помощи Лилиѳы и Гетуры приуготовила пищи на цѣлую седмицу. Уже все къ отъѣзду было готово; уже два раба стояли на пути съ навьюченною скотиною. Аврора начинала уже украшать вершины горъ червленнымъ цвѣтомъ. Исполненный благоугодныхъ о немъ желаніи, Аврамъ исторгается изъ нѣжныхъ рукъ Сарриныхъ и объемлетъ съ горячностію

стїю сына Агарина. ВЪ сїе время повергается ИсаакЪ на выю *Елїазара*; сей почтенный старецЪ разлучитися сЪ нимЪ не можетЪ; и не будучи вЪ силахЪ умѢрити скорбь свою, отвращаетЪ отЪ него лице свое, и проливаетЪ токи слезЪ. ПотомЪ юноша стремится во объятїя Измаила и не зритЪ слезЪ во очахЪ его. Но се, о младый юноша! приближается чадолюбивая Сарра, и желаетЪ тебя нѣжно облобызати. Она благословляя его, безЪ слезЪ обымаетЪ; и за грѢхЪ вмѢняетЪ плакати о сынѢ, коего гласЪ Божїй кЪ себѢ призываетЪ. По долговременномЪ лобызанїи, Сарра оставляетЪ сына своего, и сїи слова благословенїя ему вѢщаетЪ: Гряди, чадо мое, гряди куда Адонай Господь тебя призываетЪ! АхЪ! колико зримый во очахЪ твоихЪ огнь, исполняетЪ меня радостїю! Коль любезно мнѢ видѢть вЪ тебѢ священное желанїе исполнять повѢленїе Бога тебя сотворшаго, и внимать изЪ всемогущихЪ устЪ его Исходящимъ словесамЪ для чадЪ АдамовыхЪ утѢшительнымЪ,

иди, и возвратися исполненъ благодати всевышняго.

Тако рекла она, и Исаакъ отправляется въ путь съ таковою поспѣшностїю, съ каковою Серна стремится съ ґобрсшей мирѳами горы. Уже тѣни Маврїйкїя скрываются отъ очей путешествующихъ, и самыя зоркїя на мѣстѣ оставшихся очи, тщетно ищутъ ихъ въ лазоревой синевости отдаленныхъ холмовъ. Надъ главами Патрїарха и сына его леталъ Серафимъ, небесный свидѣтель сего позорища, и проницанїе его изъ очей Авраамовыхъ, познавало всѣ помышленїя его.

О! ты воспламеняющая во мнѣ желанїе воспѣть сїе богоугодное приключенїе, священная Муза, ясно вѣдущая помыслы человѣковъ и Ангеловъ, внемли благосклонно вопросу моему: повѣдай мнѣ что зрѣлъ Серафимъ во очахъ Авраамовыхъ, какїя размышленїя упражняли душу его, когда исполненный величественнаго духа, не взиралъ онъ ни на благорастворенность дня во всемъ блескѣ сїявшаго, ни на разнообразность полевыхъ

левыхъ предметовъ, ниже на самаго Исаака, которой въ восторгѣ радости желаетъ видѣть Творца всея твари! Во время пути, Патріархъ тако бесѣдовалъ въ своихъ мысляхъ.

Я иду обрѣсти тебя, о! земля мнѣ явившаяся, о! Морія, и обагрити тебя непорочною кровію единороднаго моего сына! и сія самая рука должна ее пролити. Кедры твои и окрестные холмы, узрятъ смерть дражайшаго сына, закланнаго рукою отца своего, узрятъ смерть Исаака моего! тако повелѣлъ Адонай Господь. Онъ избралъ во всесожеженіе себѣ сына моего; тамо кровь его, чистѣйшая крови агнчей благоугодна ему будетъ. О сыне мой, о изчезающее упованіе! еще ты радостныя пѣсни воспѣваешъ, не вѣдая судьбы своея! и еще лице твое весело яко юдоль сія! еще источники жизни протекаютъ въ тебѣ, подобно водометамъ вертоградъ Господень окропляющимъ, подобно струямъ напаяющимъ испещренные цвѣтами луга! Но вскорѣ все сіе въ ничто обратится.... Уже представляется взорамъ

моимъ

моимЪ мѣсто ужаса; уже я тебя зрю, о сыне мой, зрю сердце твое вЪ послѣднѣй разЪ бющееся! я вижу жилы твои цвѣтЪ жизни измѣняющія; померкающія твои очи томно на меня возводятся и сномЪ смертнымЪ затворяются на вѣки! Окружающая меня природа вЪ прискорбномЪ безмолвіи пребываетЪ. О Морія! ты подЪ стопами моими содрогаешЪ, и ты СіонЪ, со трепетомЪ взираешЪ на сіе ужасное позорище! Увы! о святыя горы! древле вы зрѣли, радостныя дѣйствія! Кедры твои, СіонЪ, часто святаго Ноя подЪ тѣни свои принимали; на туманныхЪ твоихЪ вершинахЪ часто слышалися пѣсни божественныя Деворы; цвѣтущая Саранская твоя долина, часто призывала юношей вЪ розовыя свои кустарники. Но днесь ты услышишЪ жалостный вопль смерти. ВскорѢ струи крови единороднаго сына, рукою отца пролитыя, потекутЪ сЪ холмовЪ твоихЪ. АхЪ, колико при семЪ воображеніи сердце мое хладнѣетЪ!... ОтЪ чего хладнѣешЪ ты, сердце мое! воля моя покоряется

Господу

Господу моему. Престань содрогатися утроба моя, Богъ сїе повелѣваетъ... Правда, ужасные мраки распростерты надъ судьбою моею; я окруженъ нощїю темнѣйшею тоя нощи, въ коей подъ нѣкими таинственными видами, зрѣлъ я отдаленнѣйшихъ временъ событїе корене моего, въ коей Господь навелъ на меня страхъ, въ коей громъ вѣщалъ. Господи ты непостижимъ въ судѣ твоемъ, ты пресвятъ и непостижимъ! Очи смертныхъ на тебя взирати не могутъ и святая мрачность покрываетъ судьбы твои... Но что вѣщаю я? Какїй незапный свѣтъ озаряетъ мое сердце и разгоняетъ мракъ души моея? не мечтанїе ли се? или ты, мысль во мнѣ раждающаяся, отъ Бога происходишъ? Для чего рожденный отъ Агари сынъ мой прибылъ въ самой тотъ день, въ которой Богъ Исаака отъ меня требуетъ. Какими неизвѣстными путями десница Божїя, приводитъ его къ сему сокровенному намѣренїю? Безъ сомнѣнїя во Наваїоѳѣ исполнится обѣтъ Предвѣчнаго: или можетъ быть единственно для искушенїя вѣры моея,

 послалъ

послалЪ БогЪ сЪ небесЪ непорочнаго Исаака? Или отЪ корене Измаилова произойдетЪ спасенïе языковЪ? АхЪ! Радуйся предЪизбранный Божïй, я тебя поздравляю, и когда лишуся Исаака, то ты мѣсто его во мнѣ заступати будешЪ. Но какая отважность?.... Прости, ахЪ прости Господи, коль дерзаю я измѣрить глубину твоихЪ таинствЪ.... Ни единЪ изЪ смертныхЪ не долженЪ порочить святыхЪ судебЪ дерзостïю своихЪ изслѣдованïй! ВЪ таковомЪ случаѣ и ХерувимЪ покрываетЪ крилами своими зракЪ свой. Каковы бы ни были священные твои уставы, данное тобою мнѣ обѣщанïе вѣчно мимо не прейдетЪ: Не столь твердЪ кругЪ небесный, сколь непреложенЪ глаголЪ Господень; удобнѣе изо тли сына моего БожïимЪ дохновенïемЪ оживленныя, возродитися вторично Исааку, нежели не исполнитися слову божественнаго твоего обѣщанïя.

Тако бесѣдуя самЪ сЪ собою, ПатрïархЪ опять обращаетЪ очи свои на юношу, которой взирая на отца своего сЪ веселïемЪ, о отче мой,

мой, вѣщаетъ ему, сей лугъ предъ нашимъ взоромъ простирающійся, представляетъ воображенію моему то мѣсто, на коемъ непорочная Ревекка научила меня воспѣвать пѣснь веснѣ, пѣснь которую пѣла она на струнахъ своея лиры; если тебѣ угодно отче мой, для тебя я воспою ее нынѣ. видъ долины сія влiялъ въ сердце мое столько веселія, а пѣніе птицъ вдохнули въ меня толико согласія, что все то что Ревекка и Авiасафъ мнѣ нѣкогда воспѣвали, незапно днесь возбуждается въ душѣ моей.

Благосклоннымъ возрѣніемъ Аврамъ далъ знакъ чтобъ онъ началъ. Тогда отрокъ сей воспѣлъ, и окрестныя долины въ глубокомъ безмолвіи невинную пѣснь его внимали.

„О радость, любезная Богу и че„ловѣкомъ, спутница невинности, „сниди съ холмовъ сихъ на гласъ „пѣнія моего, прииди изъ глубины „дола, въ коемъ ты наслаждаешся „приятностями весны; прииди изъ „вертоградовъ криновыхъ и рощей „благовонныхъ! кая небесная лѣпота „приближается къ рощамъ исполнен-

„нымъ благоуханія, свѣтла яко луна,
„и высока яко кедръ? Не Ангелъ ли
„Божій! не чадо ли небесъ днесь изъ
„рукъ Творца изшедшее? Ахъ! очи
„его, сердца смертныхъ любовію
„испоняютъ! Во истинну се Ангелъ!
„или самая радость? Блаженны очи
„безпрестанно тебя зрящіе и всегда
„наслаждающіеся радостію тебя со-
„зерцая! такъ, се она грядетъ! Она
„на моленіе мое ко мнѣ приходитъ,
„и се небесныя цвѣты раждаются
„подъ ея стопами..... Веселые часы
„увѣнчанные цвѣтами, летаютъ надъ
„главою ея. Радость простираетъ
„прелестныя крылѣ свои, и превыше
„облаковъ меня возноситъ. Здѣсь
„вижу я природу подъ стопами моими
„процвѣтающую. Вознесенъ ко пре-
„столу твоему на крылахъ ея, во-
„спѣваю я, Создатель мой! хвалы
„тебѣ: Естество присоединяетъ пѣ-
„сни свои къ моимъ пѣснямъ, и изъ
„среды рощей подъемлются прия-
„тныя гласы, изъ глубины доловъ
„сихъ восходятъ пары благовонія,
„подобныя дыму всесожженія. Вы
„чада Зиждителя, соедините пѣсни

„ваши съ моими, и восхвалите бла-
„гость, виновницу бытія нашего.
„Обитаемыя Серафимами небеса по-
„вѣдайте славу Божію! И ты хри-
„сталовидный источникъ протекаю-
„щій по сему украшенному цвѣтами
„лугу, журчаніемъ водъ своихъ твер-
„ди цвѣтамъ неумолкно: всякое ды-
„ханіе да хвалитъ Господа и возве-
„селится о немъ!„

За пѣснею Исааковою слѣдовали важныя разговоры. Такимъ образомъ сокращался путь ихъ. Уже сугубо солнце дневное теченіе свое совершило, и въ третіи разъ Аврора, приближается ко вратамъ востока: Тогда праведныи Авраамъ возведъ взоръ свой, видитъ гору въ туманной отдаленности возвышающуюся; онъ зритъ Морію. Старцу страна сія извѣстна. Въ безмолвіи проходятъ они долину Саронскую, напоенную росою утреннею: Патріахъ, коего душа паче къ Богу, нежели къ земнымъ вещамъ стремится, погружается въ глубокія размышленія; между тѣмъ юный его спутникъ съ веселіемъ по страну его шествуетъ.

въ нощи Емпирейскій обитатель является ему во снѣ, и вѣщаетъ ему: „чтобъ познати тебѣ холмъ, „на коемъ Богъ твоея жертвы тре„буетъ, проходя долъ Саронской „узришъ ты въ воздухѣ голубицу „свѣтлыми перьями одѣянную. Слѣ„дуй за симъ пернатымъ вождемъ, „доколѣ не опочіетъ онъ на еди„номъ изъ холмовъ: на семъ хол„мѣ принеси ты въ жертву Исаа„ка.„ Тогда узрѣлъ Авраамъ сію свѣтозарную голубицу; но Исаакъ увидѣлъ ее еще прежде его, и въ радости своей думалъ сперва что она изъ числа тѣхъ горлицъ небесныхъ, коихъ видѣлъ Симъ на горѣ Сіонской, какъ то позналъ онъ изъ пѣсней отцевъ своихъ. Они слѣдовали вождю своему даже до подошвы горы Моріи: тамо Патріархъ повелѣлъ рабамъ своимъ себя ожидати; потомъ предъуготовя дрова жертвенныя, возложилъ ихъ на рамена сына своего, а самъ понесъ ножъ и огнь священный. Тако онъ единъ со Исаакомъ продолжаетъ путь свой, и во время шествія ихъ горлица летитъ предъ

предЪ ними. Исполненное приятнаго движенія сердце юноши, горѣло святѣйшимЪ пламенемЪ; уже онЪ чаетЪ зрѣти присутствіе Божіе, и свѣтлое сіяніе на прекрасномЪ лицѣ его блистаетЪ.

По долгомЪ молчаніи, отче мой! вѣщаетЪ ИсаакЪ Аврааму: Се уже достигли мы горы, кою БогЪ избралЪ мѣстомЪ всесожженія, уже горлица ниспускается на холмЪ; но гдѣ жертва?

ВЪ невинности сердца своего вѣщаетЪ онЪ слова сіи. ОтецЪ же, возрѣвЪ на него смущеннымЪ и умиленнымЪ окомЪ, отвѣтствовалЪ ему тако: Адонай Господь, сыне мой, ниспошлетЪ намЪ оную!... ПотомЪ возведЪ исполненныя слезЪ очи на небо, умолкаетЪ; такожде и юноша пребываетЪ вЪ молчаніи. Вскорѣ восходятЪ они на святой холмЪ вЪ послѣдующія времена Голгоѳою наименованный. На семЪ то холмѣ, о Божественный Мессія! на высотѣ креста скончалЪ ты путь спасительныя жизни твоея. ДостигнувЪ до вершины горы Моріи, со благоговѣ-

 ніемЪ

нїемъ пали лицемъ на землю. Потомъ Авраамъ соорудивъ изъ дерну жертвенникъ и разложа на ономъ дрова, тако вѣщалъ удивленїемъ пораженному сыну своему.

Познай теперь, сыне мой, какую жертву избралъ себѣ превѣчный, не вострепещи чадо мое..... Самъ Саваоѳъ глаголалъ: съ подобострастїемъ внемли велѣнїямъ его. Онъ повелѣлъ принести въ жертву тебя, возлюбленнаго моего, тебя единороднаго сына Саррина..... и я повинуюсь всевысочайшимъ велѣнїямъ его. Правда что сердце мое терзается!.... Но Богъ ниспославшїй мнѣ тебя, преклонясь на моленїя мои, Богъ, коему ты принадлежишъ, тебя паки къ себѣ призываетъ! Радуйся, чадо мое! Увы! ты плачешъ!.... Ахъ, престани отъ слезъ! но возрадуйся о томъ, что всевысочайшїй судїя предъ почитаетъ кровь твою, крови Агнцевъ траву ядущихъ, чтобъ предъобразить Божественнаго Ходатая. Зри, сыне мой, уже врата небесныя отверзаются, Серафимы вѣнецъ тебѣ предуготовляютъ!.... Вскорѣ узришъ ты Го-

спода во всемъ велелѣпіи его, и что ты всегда желалъ съ толикою горячностію, ты узришъ Бога лицемъ къ лицу! Да отретъ твои слезы небесное упованіе долженствующее затмить всѣ желанія земныя! вручи скоротечную жизнь свою Творцу предъизбравшему тебѣ жизнь вѣчную.

При сихъ словахъ, восхищенный сыновнею горячностію юноша, обнимаетъ его и умѣренными слезами орошаетъ блѣдныя ланиты и дрожащія руки отца своего. Съ вершины высокаго кедра Ангелъ хранитель его, взираетъ на сіе жалостное зрѣлище, отъ котораго сердце его содрагается, и сіяніе безсмертныя юности на челѣ его увядаетъ. И онъ слышитъ Исаака, вѣщающа отцу своему: слезы мною проливаемыя, о отче мой, не суть слезы сопротивленія и боязни: Око, испытующее сердца, видитъ меня въ сію минуту и свидѣтельствуетъ повиновеніе мое. Правда, я надѣялся (коль часто надежда не предѣусматриваетъ судьбу свою,) прожить долѣе на землѣ; я уповалъ увѣнчать радостію дряхлую твою старость,

и въ поздое время закрыть зѣницы достойнѣйшей и чадолюбивѣишей матери; сладчайшая надежда представлялась мнѣ въ самыхъ лестныхъ предметахъ будущаго времени!.... Но не должно ли мнѣ оныя оставить, когда льститъ меня высочайшее еще упованіе, коего исполненіе Господь вскоромъ времени обѣщеваетъ? Единый только образъ нѣжныя моея матери, слезы изъ очей моимъ извлекаетъ и терзаетъ мое сердце! Увы! какъ вѣсть сію снести она возможетъ? О Боже! подкрѣпи ее, да не падетъ она отъ удара готоваго поразить ея матернее сердце! Ахъ! онъ ее утѣшитъ . . . . Онъ также и тебя утѣшитъ, о родитель мой! . . . . Изчезни днесь печаль моя! изсякни источникъ слезный, да ни единый вздохъ не потревожитъ сердца Богу посвященнаго! Се предстою я, отче мой! Се жертва протягающая на закланіе выю свою! Исполняй повелѣніе Богомъ тебѣ данное! Мысль высочайшая, зрѣть Божество, и присудствуя предъ престоломъ его безпрестанно лицезрѣніемъ

зрѣнїемъ его наслаждатися, мысль прiятнѣйшая, колико ты меня восхищаешъ! Какою свѣтлостїю наполняется духъ мой! Ни что уже его не потревожитъ, ни дружескїя слезы, ни прiятности Ревеккины, ниже самое отчаянїе твое, о нежнѣйшая и возлюбленнѣйшая матерь!.... И вы друзья не плачите о мнѣ; а если дружба ваша извлечетъ нѣсколько капель слезныхъ, то возведите съ веселїемъ очи свои на небо, гдѣ я наслаждатися буду радостїю непремѣняющеюся во вѣки.

Слыша таковыя вѣщанїя его, Серафимъ восхищается чистѣйшимъ веселїемъ: онъ приближается во всемъ сїянїи славы своея, и предъ уготовляется уже прiяти душу друга своего. Авраамъ еще разъ объемлетъ сына своего, и каплю слезъ на розовыя его ланиты испускаетъ. Но сердце у обоихъ колеблется сильнѣйшими чувствованїями, какїя мало смертные испытуютъ, и какихъ, тѣ самые изъяснити не могутъ, которые ихъ въ себѣ ощущаютъ. Исаакъ со спокойнымъ духомъ лежитъ нажерт-

ственникѣ, и хотя біеніе сердца его болѣе усугубляется, однако душа его о единомъ только вѣчномъ блаженствѣ помышляетъ. Авраамъ возведъ очи свои на небо, слѣдующее моленіе произноситъ:

Господи! се уже я готовъ: сердце мое препоясуется крѣпостію, уже болѣе оно не стенаетъ, уже оно не сокрушается! Зри душу мою во всемъ тебѣ повинующуюся: я возвращаю тебѣ прекраснѣйшей даръ твой; полагаю его предъ стопами твоими; приятности жизни моея протекаютъ, крѣпость увядающія старости моея, во изнеможеніе приходитъ, я самъ имъ тебѣ жертвую!... Любезныя предметы, да возрю на васъ еще единожды, прежде нежели вы отъ меня сокроетесь на вѣки..... Вскорѣ горестная скорбь и уныніе водворятся въ душу мою на мѣсто непорочныя радости, которая за утра въ сердцѣ моемъ возбуждалась, и въ вечерѣ окончавалась приятными сновидѣніями. Скоро въ Мамврикіи, гдѣ прежде былъ слышанъ, о чадо мое, гласъ пѣнія твоего, скоро подъ

сѣно-

сѣнолиственымъ дубомъ, гдѣ самъ Бого-Мессія, преклонясь на моленія моя, обѣщалъ тебя мнѣ ниспослати, не будутъ раздаваться радостныя пѣсни твои, согласною лирою Тимны сопровождаемыя, и единыя токмо жалостныя рыданія слышатися будутъ. Тогда то не возмогу я снести бремя злополучій моихъ. Увы! слухъ мой приобыкъ было уже внимати изъ устъ Исааковыхъ сладкое имя родителя!.... Но уже я болѣе не услышу сего приятнаго имени. Великіи Боже! ты даровалъ мнѣ Исаака, ты зришъ колико еще сей даръ твой мнѣ любезенъ!.... Человѣколюбіе твое ко смертнымъ безконечно; ты въ часъ милосердія твоего, начерталъ жизнь его въ книгѣ судебъ; Ангели взирая на него радостно восклицали: человѣкъ наслаждается всѣми благими міра, но чистѣйшее блаженство вкушаетъ онъ въ ту минуту, когда слышитъ достойнаго сына наслѣдника добродѣтелей его, произносяща приятное имя родителя. Не много! о Творче мой, созидаешъ ты столь прекрасныхъ,

толь кроткихъ и столь чувствительныхъ душъ, какова душа Исаакова.... Таковаго то сына рука моя заклати тебѣ предъуготовляется, но я не скорблю; какъ дерзну я Господи, противу тебѣ роптати? О Боже, уста мои на изъявленіе единыя благодарности отверзатися будутъ! Во истинну безпрестанно хвалу тебѣ воздавати буду, за всѣ дни, въ кои ты благословилъ сыну моему при мнѣ быти, за всѣ радости коими онъ утѣшалъ меня, когда въ сладкой надеждѣ зрѣлъ я Спасителя міра отъ корене его нѣкогда произойти долженствующаго, и когда и самые Ангелы блаженство мое возвѣщали и меня именовали отцемъ Мессіи. Пріими, о Создатель мой, благодарность за благотворенія твои тебѣ приносимую, пріими отъ повинующейся тебѣ руки моей сіе жертвоприношеніе. По семъ возводитъ взоръ свой на Исаака и простерши свою руку, емлетъ ножъ дабы заклати сына своего.

Между тѣмъ предвѣчный приникъ милостиво на землю, и зря Авраама готоваго къ жертвоприношенію, рекъ

силамъ

силамъ небеснымъ, да призираюшъ безпрестанно на сїе святилище: Авраама искушенїе мое непоколебало! во удовлетворенїе благоволенїя моего не пощадилъ онъ возлюбленнаго своего сына. Се уже онъ простеръ руку свою, дабы прияти убїйственное оружїе..... Кого изъ васъ пошлю я воздержати десницу его, и возвѣстити ему мое благословенїе.

Услышавъ глаголы Всевышняго Серафимъ Елоа, приближается къ подножїю престола, и падши ницъ: О! Саваоѳъ, вопїетъ, удостой избрати меня вѣстникомъ! Ахъ, сердце мое возхищается радостїю, когда я воображаю что ты возвращаешъ Аврааму сына его, и за благоговѣйное его повиновенїе столь явнымъ милосердїемъ награждаешъ. Съ какимъ веселїемъ услышитъ онъ радостную вѣсть сїю.

Рекъ, и Владыка небесъ приклонился на сїе помаванїемъ главы своея. И се свѣтозарный Серафимъ, полетомъ въ тысящу кратъ быстрѣйшимъ нежели движенїе вышнихъ Сѳеръ во кругъ небесъ, и скорѣйшимъ нежели

помисли

помыслы человѣческїе, ниспускается на землю. Уже парилъ онъ надъ Морїею въ то время, когда Авраамъ держалъ ножъ подъятый на закланїе сына своего, на жертвенникѣ связанна лежащаго. О Елоа, послачникъ Божїи, ты блисталъ въ величественномъ сїянїи надъ главою Авраамлею, во кругъ тебя свѣтозарное облако распространялось, подобной небесной Денницѣ. Тогда Серафимъ, изъ среди облака возвалъ громогласно.

Аврааме, Аврааме! . . . . Патрїархъ, подъемлетъ главу и зритъ Серафима Елоа; при семъ явленїй отступаетъ вспять отъ страха и упускаетъ изъ рукъ священный ножъ. Небесное явленїе, и священное величествїе Елоа, являющагося Аврааму превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ существъ, и обращающаго на него милостивое возрѣнїе, вливаютъ въ сердце его неизреченную радость. Патрїархъ палъ предъ Серафимомъ лицемъ на землю. Востани, возопїялъ Елоа, востани предъизбранный Божїи. Никогда не нисходилъ къ тебѣ съ небесъ толь радостный вѣстникъ.

Богъ искусилъ повиновенїе твое, и нашелъ его непорочнымъ; отъ нынѣ Исаакъ да будетъ наградою вѣры твоея. Чтобъ исполнить глаголъ Божїи, непощадилъ ты сына возлюбленнаго своего. Между тѣмъ Аврамъ востаетъ, и возложивъ руки на главу свою проливаетъ слезы радости. Онъ не можетъ еще вѣщати; родительское его сердце толико стѣснено, что онъ чувствованїй изъяснити не можетъ, и единымъ только безмолвїемъ благодарить Бога. Но лице его просвѣщается радостїю небесною. Подобно какъ единый изъ свидѣтельствующихъ истинну, во славу Iисуса Христа, истощеваетъ по единой каплѣ кровь свою, до толѣ пока среди свирѣпѣйшихъ мученїи, не сомкнутся вѣчнымъ сномъ, орошенныя слезами его очи; и когда потомъ удрученная страданїями душа его зритъ себя вдругъ освобожденною, зритъ вдругъ себя облеченную въ небесный свѣтъ, и воспрїемлему на рамена Ангеловъ воспѣвающихъ ей повсюду побѣдительныя пѣсни, предается радостямъ блаженства своего,

его, и преклонившись къ персямъ Ангела на землѣ ей покровительствовавшаго, не можетъ радость свою выразити, но безмолвїе ея болѣе онуую нежели слова изъясняетъ: таково было движенїе нѣжнѣйшаго сего отца, когда противъ всякаго чаянїя возвращается ему сынъ его отъ вратъ смертныхъ. Тогда обнимаетъ онъ сына своего, которой погруженъ будучи въ приятную задумчивость и разсматривая Ангеловъ, не зрѣлъ болѣе отца своего. Коль скоро Елоа возвысилъ гласъ свой, освобождается онъ отъ узъ, коими связаны руки его. Въ восторгѣ новыя радости, преклоняетъ колѣна и непрестанно взираетъ на величественнаго Елоа, которой милостивымъ окомъ на него призираетъ. По страну Елоа, видитъ другаго свѣтозарнаго Серафима, и по его милосердїе являющему виду познаетъ въ немъ Ангела Хранителя своего. Тако исполненная веселїемъ душа юноши сего, погружается во Океанъ радостей, когда отецъ его обнимаетъ съ таковою горячностїю, съ каковою никогда не обымалъ. Приклонивъ главу свою къ

сердцу

сердцу отца своего, паки въ себя приходитъ отъ чрезмѣрнаго возхищенія, паки зритъ Авраама, и лобзаніями своими осушаетъ слезы текущія поланитамъ Патріарха, и потомъ: о отче мой, вопіетъ къ нему, коковаго блаженства днесь я лишаюсь! Ахъ! еслибъ я лишился онаго не для того чтобъ жить въ объятіяхъ твоихъ, во объятіяхъ чадолюбивыя Сарры, какъ бы могъ я снести безъ слезъ сію премѣну? Уже я на крылѣхъ упованія парилъ во странахъ некончаемыя жизни, наслаждаясь лицезрѣніемъ Божіимъ. Ангелъ въ сію минуту возвѣстившій намъ благоволеніе Всевышняго Владыки, есть единый изъ тѣхъ темъ тысящъ существъ безплотныхъ, при коихъ поднялъ я непроницаемую завѣсу вѣчности. Когда лежа согбенъ на жертвенникѣ, узрѣлъ я первые лучи предвозвѣщающіе мнѣ приближеніе Серафимовъ, тогда, о отче мой, уповалъ я что сіи обитатели небесные вознесутъ меня на небеса. Однако сіе предчувствіе сердца моего не совершилось; Богу оное повелѣть было

угодно

угодно. . . . Душа моя, еще обитати на небеси не готовая, остается въ сей смертной темницѣ; еще должно, слѣдуя стезямъ добродѣтели, больше явитися достойнымъ жизни будущія, еще надлежитъ утѣшати старость чадолюбивѣйшихъ родителей. Ликуй, о земля! я оставляю небо дабы обитати на поверхности твоей, тако повелѣваетъ совѣтъ божественнаго провидѣнія.

Таковы были словеса юноши сего; между тѣмъ Патріархъ обратясь ко Ангелу; о посланникѣ Божіи, начальнѣйшій изъ служащихъ Саваоѳу! вѣщаетъ къ нему: Нѣтъ, согласіе небесныхъ Арфъ, не можетъ быть столь пріятно слуху умирающаго, какъ принесенная тобою вѣсть, душѣ моей. Ахъ! глаголы твои новую жизнь вливаютъ въ кости мои. Никогда не чувствовалъ я въ душѣ моей таковаго движенія; никогда сердце мое не исполнялось подобною радостію! . . . О Господи господствующихъ, како возблагодарю тя за щедроты твои? Увы! что могу сотворить иное, какъ не безпрестанно возвѣщать

вѣщать смертнымъ чудеса твоя. Услыши изъ глубины сердца изходящїй мой гласъ, онъ внятнѣе тебѣ нежели словеса устъ моихъ! Всегда къ роду Адаамову, ко отцамъ моимъ, являлъ ты себя великимъ и милосердымъ. Ты низвергаешъ гордыню во прахъ, попираешъ ее стопами своими, увѣнчеваешъ вѣчною Дїадимою смиренныхъ. Ты утѣшаешъ скорбящаго, и окованнаго отъ узъ свобождаешъ. Ты благословилъ Саррѣ при старости ея услышати имя матери, и Аврааму на прагѣ гроба обѣяти сына. Се уже вторично отцемъ я себя вижу, сїе приятное имя трекратно большую радость во мнѣ раждаетъ, нежели когда Исаакъ въ первой разъ оное произнесъ. Буди благословенъ, о торжественный день, буди благословенъ наче всѣхъ дней; восхожденїе твое, не предвѣщало мнѣ, что ты толико для меня блаженъ будешъ, но отъ нынѣ ты пребудешъ благополучнѣйшїй день въ моей жизни. Никакїя стенанїя и никакїя рыданїя не помрачатъ во вѣки свѣтлости твоея, когда ты ежегодно вспять возвращитися будешъ.

Во утро твое, да родит щастливѣйшая матерь двухъ любезныхъ чадъ, во единъ день двухъ друговъ человѣчества! Въ полуденное твое времи великодушный воинъ, да придетъ обогащенъ корыстьми враговъ своихъ и да возвратитъ юношѣ супругу его, и отдастъ чадъ родителямъ ихъ. Наконецъ, о день священный, да снидетъ въ теченіе твое вѣчный миръ на землю! И ты, о Морія! ты, на которой Богъ явился мнѣ съ толикимъ милосердіемъ, буди благословенна; и пребуди на всегда свидѣтельницею щедротъ Божіихъ! Да снидетъ благословеніе Господне въ плодоносной росѣ на Саронъ, съ вершинъ твоихъ. И въ отдаленнѣйшее будущее время, верхи кедровъ твоихъ, да прострутъ тѣни свои на Серафимовъ, и да присутствіе Божіе еще нѣсколько кратъ носится на вершинахъ твоихъ, поднобно какъ духъ предвѣчнаго носился надъ землею, въ ту минуту когда она раждалась.

По симъ словамъ, обратилъ Аврамъ главу свою, и узрѣлъ посади себя овна запутавшагося въ купинѣ рогами.

тами. Патрїархъ приемля овна сего, принесъ во всесожженїе на мѣсто сына своего; потомъ падши лицемъ ницъ на землю помолился Всевышнему. Между тѣмъ жертва огнемъ пожирается, и Елоа паки возвысилъ гласъ свои, сїи слова благословенїя вѣщаетъ:

Внемли Аврааме глаголъ Господа Саваоѳа, десницею своею объемлющаго небеса, а шуйцею поддерживающаго свѣтила движимыя дыханїемъ устъ его. Кленусь именемъ моимъ, рекъ Господь, поелику обрѣлъ тебя толь непоколебима въ вѣрѣ твоей, и толь послушна къ заповѣдямъ моимъ, егда повелѣлъ тебѣ принести мнѣ въ жертву сына твоего, сына возлюбленнаго, то прославлю и благословлю племя твое, изъ всѣхъ племенъ земныхъ! и размножу его яко звѣзды небесныя, яко песокъ при краяхъ моря; потомки твои одолѣютъ грады враговъ своихъ, и нарекутся избранными Божїими! И отъ корене твоего изъидетъ спасенїе всѣхъ языкъ земныхъ, кои будутъ тебя благословляти во вѣки. Тако глаголетъ Господь судебъ, штотъ коего

обѣты

обѣты суть неподвижнѣе горъ, и непоколебимѣе самыхъ Серафимовъ!.... Но сокрою ли я отъ очей Авраамовыхъ благо Богомъ ему предъопредѣленное! открою ему то что о будущемъ мнѣ извѣстно..... Познай о друже Саваоѳа, познай чудеса, долженствующія для тебя сотворитися. Мнѣ благоволено было возвести взоръ свой седмь кратъ во святилище Божіе. Тамо на столпахъ діамантовыхъ, висятъ златыя дки, на коихъ написаны сокровенныя судьбы предвѣчнаго.

Се чтенное мною надскахъ сихъ: отъ благословеннаго корене твоего родится Царь, которой премудростію и славою превзойдетъ всѣхъ владыкъ востока. Царь сей воздвигнетъ на Моріи великолѣпный храмъ Всевышнему. Тамо величіе Божіе между смертными обитати будетъ; тамо поддерживаемъ Херувимами призирати будетъ на куреніе жертвъ и внимать согласіе священныхъ пѣсней, пока явится Мессія Ходатай, которой уничтожитъ прообразованіе. Здѣсь, на семъ холмѣ, на коемъ повелѣлъ Господь заклати тебѣ Исаака. Сей Божій Ходатай прине-

принесетъ себя въ жертву за родъ Адамовъ, и оросить землю своею кровiю. Тогда завѣса сокрывающая отъ человѣкъ Бога, вдругъ ниспадетъ, тогда вся земля будетъ свята яко гора сiя. Примиренный съ родомъ человѣческимъ Богъ, на всякомъ мѣстѣ присутствовати станетъ, и услышитъ того, кто съ сокрушеннымъ духомъ взывати къ нему будетъ. Таковъ будетъ родъ твой, въ коемъ нѣкогда всѣ племена земныя благословлены будутъ Божественнымъ Мессiею, коего предъизбралъ Саваоѳъ вторымъ Создателемъ земли, прежде сложенiя мiра; сей шаръ земный первую свою лѣпоту обрящетъ. Тогда истинна и мiръ водворятся на ней яко на небесахъ. Пустыни процвѣтутъ яко вертограды, знойныя степи украсятся красотою Ливана и величiемъ Кармельскiя горы, съ безплодныхъ камней потекутъ источники сладки яко медъ. Чада Божiи въ восторгѣ радости въ великомъ множествѣ посѣщати будутъ гору Сiонъ; окруженные вѣчною радостiю, скорби и рыданiя не узрятъ во вѣки.

Небеса исполнятся веселія, и земля съ горами своими радостію взыграетъ; блистательнѣе всѣхъ прочихъ свѣтилъ, прострется она лучи свои даже до престола выспренняго; ибо самъ Господь ея примиритель. Се, о Авраамъ, видѣнное мною въ книгѣ вѣчности. Радуйся, наперстниче Божій, и въ восторгѣ радости восхваляй опредѣлившаго роду твоему великія благости. Ликуй отче великаго Мессіи; обѣты Божіи утверждаются на тебя, самыя Ангелы болѣе желати не могутъ: буди преисполненъ всѣхъ его благословеній!

Тако слышится небесный гласъ великаго Елоа. Авраамъ припадши ницъ на землю, проливаетъ моленія ко Господу, сынъ же по страну его въ сладкомъ восторгѣ погруженъ зрится. Между тѣмъ Елоа отлетаетъ на небо. Коль скоро разпросторъ онъ позлащенныя свои крылѣ, весна приятнаго благоуханія низліялась на землю.

Авраамъ еще два часа пребылъ на вершинѣ Моріи, восхваляя Господа словесами святымъ духомъ въ него вну-

внушенными. Едва страхЪ небеснымЪ явленїемЪ причиненный разсѣялся, ПатрїархЪ снисходитЪ съ горы съ сыномЪ своимЪ; при подошвѣ Морїи обрѣтаетЪ онЪ рабовЪ своихЪ, коихЪ приятное явленїе Елоа такожде восторгомЪ радости исполнило. ПотомЪ возвращаются всѣ вЪ Маврикїю и имЪ кажется что путь подЪ стопами ихЪ изчезаетЪ.

Конецъ.

…сания проносимыхъ рѣкою наносовъ

…овъ ,, ,, ,,

0,05 %

0.000024 0.000026 0.000095 0.000021

…туры воздуха и воды